

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович

**КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ
ЗНАТНОГО ОЙРАТСКОГО ВОИНА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII —
СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА
ПАСПОРТ ПРЕДМЕТНОЙ
НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

Новосибирск
2020

УДК 903.22 903.26 (571.5)
ББК Т48(54)-411
Б 724

Ответственный редактор
канд. ист. наук *С. Г. Скобелев*

Рецензенты:
д-р ист. наук *П. В. Волков*,
д-р ист. наук *В. В. Горбунов*,
канд. ист. наук *В. С. Курмановский*

Бобров, Л. А.

Б 724 Комплекс вооружения знатного ойратского воина второй половины XVII — середины XVIII века. Паспорт предметной научно-исторической реконструкции / Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович ; Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. — 82 с. : ил.

ISBN 978-5-4437-1113-3

В настоящем паспорте представлены основные результаты научно-исследовательского проекта по предметной реконструкции комплекса вооружения, снаряжения и одежды знатного ойратского (джунгарского) воина второй половины XVII — середины XVIII в.

Работа выполнена ведущим научным сотрудником Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского национального исследовательского государственного университета (НГУ), доцентом кафедры археологии и этнографии НГУ, руководителем научно-исследовательского проекта «С сибирским воином через века» доктором исторических наук Л. А. Бобровым, главным инженером научно-исследовательского проекта «С сибирским воином через века» Ю. А. Филипповичем.

Все описания выполнены доцентом кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета (НГУ), ведущим научным сотрудником лаборатории гуманитарных исследований НГУ, доктором исторических наук Л. А. Бобровым.

Паспорт предназначен для археологов, историков, оружейников, музейных работников, а также для широкого круга читателей, интересующихся ойратским военно-культурным наследием позднего Средневековья и раннего Нового времени.

УДК 903.22 903.26 (571.5)
ББК Т48(54)-411

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

ISBN 978-5-4437-1113-3

© Новосибирский государственный университет, 2020

© Бобров Л. А., Филиппович Ю. А., 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из важных результатов современного военно-исторического и оружейно-ведческого исследования является научно-историческая реконструкция изучаемого объекта¹. Традиционно выделяются три основных вида научно-исторической реконструкции: описательная (текстовая), художественная (изобразительная) и предметная (экспериментальная). Если описательная и художественная научно-исторические реконструкции имеют в нашей стране давние традиции, то становление предметной научно-исторической реконструкции вооружения воинов Великой степи эпохи Средневековья началось относительно недавно — в последней трети XX в. Начальные этапы данного процесса неразрывно связаны с именами выдающихся отечественных исследователей — М. В. Горелика и Ю. С. Худякова (Худяков, Бобров, Филиппович, 2005, с. 95–103; Бобров, Худяков, Филиппович, 2015, с. 92–105; Бобров, 2017, с. 142–145).

В начале 2000-х гг. на базе кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, а затем лаборатории гуманитарных исследований НГУ началась реализация масштабного научно-исследовательского проекта «С сибирским воином через века». Одним из ключевых направлений данного проекта стало выполнение предметных научно-исторических реконструкций комплексов вооружения, снаряжения и одежды воинов Центральной Азии, Сибири и сопредельных регионов поздней Древности, Средневековья и раннего Нового времени. За прошедшие двадцать лет в рамках проекта были выполнены более 30 предметных научно-исторических реконструкций (в общей сложности более 350 отдельных предметов). В числе прочих были реконструированы комплексы вооружения и одежды хуннских и сяньбийских воинов II–III вв., древнетюркских латников-«бури» VI–VIII вв., чжурчжэньских воинов середины XII — первой трети XIII в., монгольских панцирников XIII–XIV вв., русских, ойратских, казахских и сибирско-татарских воинов XVI–XVIII вв. и др. В настоящее время указанные предметные реконструкции экспонируются в музейных собраниях различных регионов Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Кыргызстан, Китайской Народной Республики, Монгольской Народной Республики, Федеративной Республики Германия и других стран.

При выполнении предметной научно-исторической реконструкции применяются аутентичные материалы, использовавшиеся мастерами прошедших исторических эпох: железо (в том числе низкоуглеродистая сталь и др.), серебро, бронза, медь, поделочные камни, рог, кость, шелк, шерстяная ткань, войлок, древесина раз-

¹ Под научно-исторической реконструкцией мы понимаем вариант восстановления первоначального вида предмета, комплекса предметов, возможного хода исторических событий и т. д. на основе комплексного анализа различных видов источников и других профильных научных методов.

личных сортов и др. В основе предметной реконструкции обычно лежит конкретный предмет вооружения или одежды, происходящий из археологического памятника или старой музейной коллекции, арсенала и т. д. В числе задач мастера — максимально точно воспроизвести сохранившийся предмет из соответствующих аутентичных материалов. Утраченные (как правило, органические) элементы реконструируются на основе комплексного анализа вещественных, изобразительных и письменных источников.

Помимо прочего, некоторые предметные реконструкции используются для профильных научных экспериментов, позволяющих уточнить особенности изготовления, транспортировки, хранения и эксплуатации конкретных видов защитного и наступательного вооружения соответствующего исторического периода. Данные эксперименты позволяют лучше понять логику и некоторые принципы развития военного искусства народов Великой степи эпохи Древности, Средневековья и Нового времени.

Исторический период, охватывающий XVII — первую половину XVIII в., сыграл важную роль в истории народов Евразии. Однако если для европейцев главными его событиями стали Тридцатилетняя война, Английская революция, англо-голландские войны, Тринадцатилетняя Русско-польская война на Украине, военные конфликты европейских держав с Османской империей, Великая Северная война, Война за испанское наследство и др., то для внутренней Евразии данный период справедливо именуется эпохой Малого Монгольского (ойратского) нашествия. В XVII — первой половине XVIII в. ареал военной активности ойратов (калмыков, «чакарцев», джунгар, хошутов Кукунорской равнины) включал в себя огромные пространства внутренней Евразии от нынешней Украины на западе до Тибета и Монголии на Востоке, от русских сибирских острогов на севере, до присырдарьинских городов на юге. Ойратские завоевания оказали значительное влияние на исторические судьбы народов России, Казахстана, Монголии, Китая и других стран. Неудивительно, что военное искусство ойратов привлекает к себе пристальное внимание оружейников и военных историков многих государств мира.

Становление и развитие позднесредневекового ойратского военного искусства проходили на фоне «Пороховой революции», коренным образом изменившей ход развития военного дела населения Евразийского континента. Специфика данного исторического периода для Центральной Азии заключалась в весьма ярком и необычном сочетании традиционных и инновационных видов вооружения и тактических приемов ведения боя. Так, например, в ходе сражения легкие степные лучники могли прикрывать позиции спешившихся стрелков, вооруженных огнестрельным оружием, а конные панцирные копейщики-«куяшники» атаковали позиции врага под залпы артиллерийских орудий, перевозившихся на верблюдах (Бобров, Худяков, 2008, с. 552–604; Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 152–206).

Оригинальный облик ойратского вооружения был обусловлен и особенностями развития ойратской духовной и военной культуры рассматриваемого периода. Начальный этап завоеваний совпал по времени с распространением среди ойратов буддийского учения (в его ламаистской форме). Это не могло не отразиться на материальной культуре монголоязычных номадов, которые стали покрывать свое оружие и доспехи разнообразной буддийской символикой (Bobrov, Kushkumbayev, Salnikov, 2018, с. 443–455).

При отборе предметов для выполнения научно-исторической реконструкции ее разработчики руководствовались желанием, с одной стороны, представить цельный комплекс вооружения знатного ойратского (джунгарского) воина, а с другой стороны, отобразить его наиболее яркие самобытные черты. В качестве основы для реконструкции послужили предметы ойратского вооружения из Музеев Московского Кремля (Оружейной палаты), Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского государственного университета (МАЭС ТГУ), Монгольского военного музея (г. Улан-Батор, МНР), Музея искусств «Метрополитен» (г. Нью-Йорк, США), а также других музейных и частных собраний.

В первой половине Паспорта рассмотрены подлинные образцы, послужившие основой для реконструкции, а также собственно реконструированные предметы защитного и наступательного вооружения ойратского (джунгарского) воина второй половины XVII — первой половины XVIII в. Во второй части Паспорта приведены постановочные фотографии, иллюстрирующие джунгарского воина в походной и боевой обстановке.

Пользуясь случаем, авторы исследования хотели бы высказать слова благодарности за помощь в организации и проведении съемок фотографу С. А. Борисенко, аспиранту кафедры вычислительных систем механико-математического факультета НГУ Э. Б. Эрдыниеву, аспиранту кафедры археологии и этнографии гуманитарного института НГУ Д. Исмаилову.

Литература

Бобров Л. А. «Отцу сибирского оружиеведения» — 70! // *Parabellum novum: Воен.-ист. журн.* 2017. № 7 (40). С. 142–145.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С., Филиппович Ю. А. Доспехи волка // *Наука из первых рук.* 2015. № 1(61). С. 92–105.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV — первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Худяков Ю. С., Бобров Л. А., Филиппович Ю. А. Опыт экспериментальной реконструкции и функционального анализа защитного вооружения воинов Центральной Азии эпохи позднего Средневековья // *Вестн. НГУ. Сер. : История, филология.* Новосибирск : НГУ, 2005. Т. 4, вып. 5. С. 95–103.

Bobrov L. A., Kushkumbayev A. K., Salnikov A. V. Oirat Helmet of the XVII — mid-XVIII centuries from the Akmola Regional History Museum [Ойратский шлем XVII — середины XVIII вв. из Акмолинского областного историко-краеведческого музея] // *Былые годы.* 2018. Т. 48. № 2. С. 443–455.

ПРЕДМЕТНАЯ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ОЙРАТСКОГО СФЕРОЦИЛИНДРИЧЕСКОГО ШЛЕМА XVII В.

Авторы реконструкции: Бобров Л. А., Филиппович Ю. А.
Мастер: Филиппович Ю. А.

Основой для реконструкции шлема послужила так называемая «Шапка колмыцкая большая» из собрания Музеев Московского Кремля (ММК, современный инвентарный номер: ОР-2059) (рис. 1). Данное наголовье было всесторонне изучено в рамках специального исследования в 2020 г. (Бобров, Орленко, 2020).

По материалу изготовления шлем относится к классу железных, по конструкции тульи к отделу клепаных, по форме купола к типу сфероцилиндрических. Общая высота наголовья — 49,5 см. Диаметр лобно-затылочный — 21,5 см, височный — 22 см. Толщина пластин тульи: 0,6–0,8 мм, толщина обруча: 1,4–1,6 мм. Вес шлема (без кольчатой бармицы, добавленной в XX в.) — 1,18 кг.

Тулья шлема склепана из восьми S-образных в сечении пластин-секторов — четырех основных и четырех накладок, которые по своим размерам практически не уступают основным пластинам. Благодаря S-образному сечению пластин-секторов шлем в собранном виде приобретает ярко выраженный сфероцилиндрический силуэт. Осмотр тульи показал, что поверхность наголовья была украшена различными изображениями, выполненными в технике гравировки и канфарения. Так, в частности, на налобную пластину нанесен рисунок, к сожалению, сильно затертый и трудно различимый. Его детальное изучение помогло восстановить указанное изображение и атрибутировать его как одну из традиционных форм символического обозначения «Трех драгоценностей буддийской доктрины» — *Триратну* (Бобров, Орленко, 2020). В месте перехода тульи шлема из полусферической в цилиндрическую пластины купола пересекает орнаментальная полоса, представляющая собой цепь гравированных ромбических фигур, внутреннее пространство которых заполнено канфарением в виде множества мелких точек.

Дополнительным фиксатором пластин тульи является широкий составной железный обруч, опоясывающий шлем по его нижнему краю. Основу узора на обруче шлема формирует популярный в Центральной Азии геометрический меандриобразный орнамент (монг. «*алхан хээ*»), нанесенный в технике гравировки. Фон рисунка заполнен канфарением. К налобной части обруча прикреплен массивный «коробчатый» козырек, состоящий из горизонтальной пятиугольной «полки» и вертикального «щитка» с тремя ребрами жесткости. Венчает шлем комбинированное навершие,

состоящее из «крышкообразного» подвершия с фестончатым бортиком, ярусной трубки-втулки для плюмажа и четырех бутонообразных насадок, которые соединяют навершие с пластинами тульи шлема.

В ходе проведенного анализа установлено, что шлем входит в состав большой группы ойратских сфероцилиндрических («кувшинообразных», «вазообразных») наголовий, датируемых периодами позднего Средневековья и раннего Нового времени (Бобров, Худяков, 2003, с. 144, 145, 153, табл. 3, рис. 3, 155; Бобров, Худяков, 2008, с. 440–445, 459–461, 722, 725). Весьма вероятно, что мастера, изготовившие шлемы указанной серии, вдохновлялись образом буддийской ступы (калм. *субурган*). Особенности конструкции, системы оформления наголовья (в том числе наличие буддийской символики), а также материалы русской служебной документации 80-х гг. XVII в. позволяют предположить, что «Шапка колмыцкая большая», хранящаяся в фондах ММК, была изготовлена ойратскими или южносибирскими оружейниками для состоятельного ойратского воина-буддиста в 10-х — начале 80-х гг. XVII в., но не позднее 1682 г., когда шлем был впервые достоверно зафиксирован в российской служебной документации при проверке Большой Государевой Казны (Бобров, Орленко, 2020).

«Шапка колмыцкая большая» представляет собой яркий образец ойратских шлемов XVII в. Она может использоваться в качестве эталона при датировке и атрибуции шлемов населения Центральной Азии указанного периода. Гравированные рисунки, нанесенные на поверхность тульи и обруча шлема ОР-2059, вероятно, представляют собой один из самых ранних известных образцов ойратского изобразительного искусства XVII в. Учитывая данные факты, не будет большим преувеличением сказать, что «Шапка колмыцкая большая» может по праву считаться одной из важных исторических и культурных реликвий калмыцкого народа.

Реконструкция шлема (рис. 2). В ходе выполнения реконструкции была восстановлена возможная первоначальная геометрия пластин тульи (поврежденных сильными дробящими ударами по наголовью). Воссоздано затертое гравированное изображение на налобной части шлема (рис. 3; 4). Реконструирован возможный первоначальный вид обруча (в настоящее время обруч оригинального шлема из ММК склепан из нескольких частей, что является следствием ремонта, возможно, уже в период нахождения «Шапки колмыцкой большой» в Оружейной Палате). Восстановлены первоначальное местоположение отверстий и заклепок на поверхности обруча и тульи. Кроме того, к наголовью добавлены пластинчато-нашивная бармица, подшлемник, подбородочные ленты и плюмаж (см. ниже).

Литература

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Боевые наголовья кочевников Монголии и Калмыкии второй половины XVI — начала XVIII в. // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т; Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова. № 11, 2003. С. 138–155.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV — первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Бобров Л.А., Орленко С.П. «Шапка колмыцкая большая» из собрания Музеев Московского Кремля // Oriental Studies. 2020. № 3.

Рис. 1. «Шапка колмыцкая большая» из собрания Музеев Московского Кремля (ОР-2059), Ойратия или Южная Сибирь, XVII в. (до 1683 г.): 1 — вид спереди; 2 — вид слева; 3 — вид справа; 4 — вид сзади. Фото: С. В. Баранов (по: Бобров, Орленко, 2020)

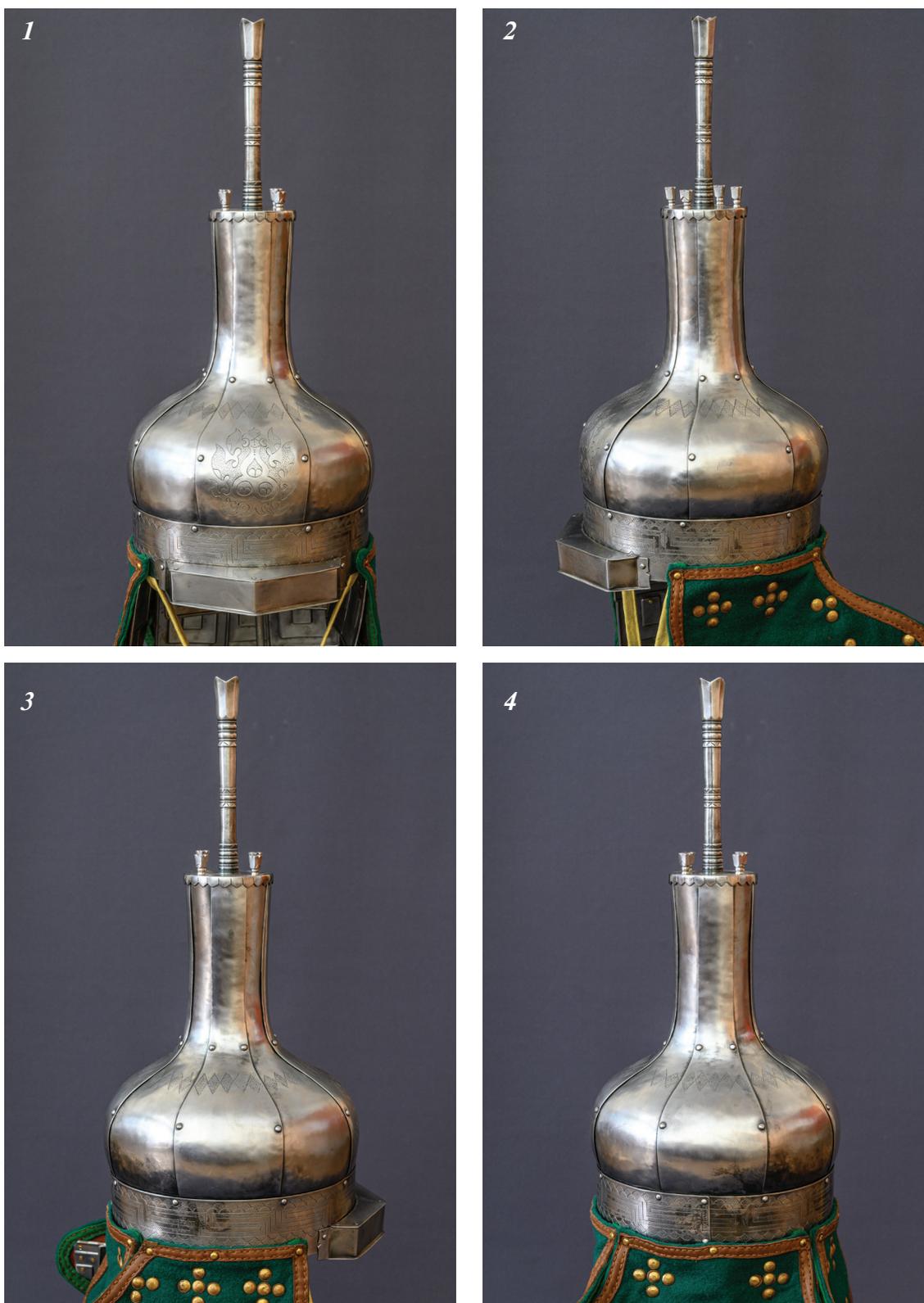

Рис. 2. Предметная научно-историческая реконструкция ойратского сфероцилиндрического шлема XVII в.: 1 — вид спереди; 2 — вид слева; 3 — вид справа; 4 — вид сзади. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

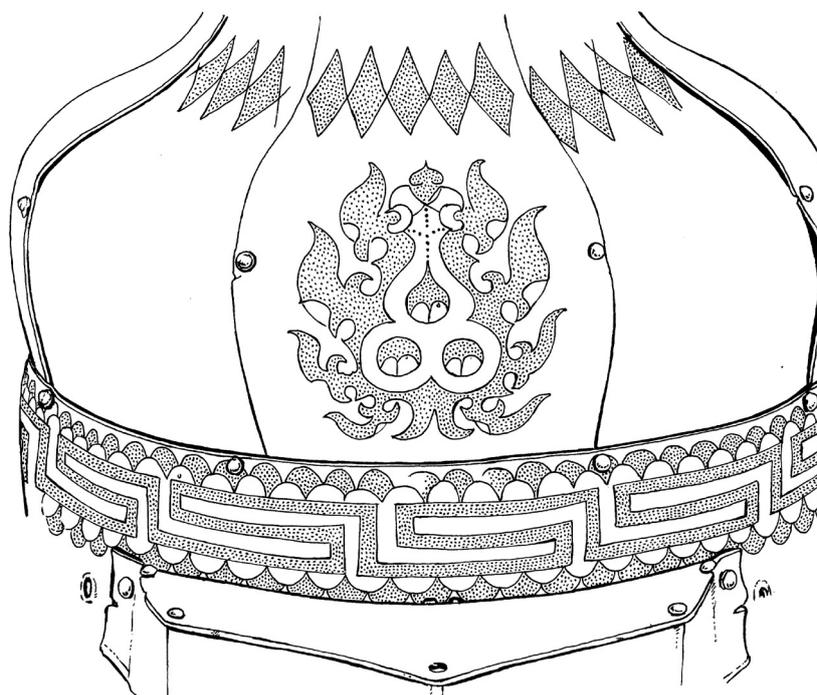

Рис. 3. Прорисовка изображений на тулье и обруче «Шапки колмыцкой большой». Рисунок: Л.А. Бобров (по: Бобров, Орленко, 2020)

Рис. 4. Изображения на тулье и обруче ойратского шлема XVII в. Предметная научно-историческая реконструкция. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

ПРЕДМЕТНАЯ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПЛАСТИНЧАТО-НАШИВНОЙ БАРМИЦЫ, ПОДШЛЕМНИКА, ПОДБОРОДОЧНЫХ ЛЕНТ И ПЛЮМАЖА ОЙРАТСКОГО СФЕРОЦИЛИНДРИЧЕСКОГО ШЛЕМА XVII В.

Авторы реконструкции: Бобров Л. А., Филиппович Ю. А.

Мастер: Филиппович Ю. А.

Основой предметной реконструкции бармицы послужила дошедшая до нашего времени почти в неповрежденном виде ойратская бармица сфероцилиндрического шлема № ВО-171 из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ)². Конструкция и система оформления данного наголовья практически идентичны рассмотренной выше «Шапке колмыцкой большой» из фондов Музеев Московского Кремля (ОР-2059).

Оригинальная бармица из ТГИАМЗ по структуре бронирования относится к отделу пластинчато-нашивных (с внутренним бронированием), на основе особенностей покроя — к группе трехчастных, по площади защитного покрытия — к категории «открытых» (рис. 5). Она состоит из пары наушников подтрапещиевидной формы и трехлепесткового назатыльника, которые пришнуровывались к тулье шлема специальными кожаными ремешками или нитями, пропускавшимися в отверстия на обруче шлема. Также применялась и альтернативная система подвешивания бармицы, когда последняя крепилась к шлему с помощью специальных болтов, вставленных в отверстия, проделанные в обруче наголовья.

Нижний слой органической основы бармицы сфероцилиндрического шлема из ТГИАМЗ представлял собой лопасть мягкой кожи, поверх которой располагалась «покрышка» шерстяной ткани зеленого цвета. С внутренней стороны бармицы крепились 23 железные пластины различных форм и размеров. Они формировали достаточно надежное, но при этом весьма эластичное защитное покрытие. Для повышения жесткости пластины снабжались специальными ярусами и ребрами, благодаря которым они имели характерную рельефную поверхность (рис. 6).

² В настоящее время указанная бармица подвешена к сибирско-татарскому шлему (Инв. № ВО-70) из того же музейного собрания (Бобров, Худяков, 2008, с. 441, 466, 467; Бобров 2009, с. 251–254).

Большинство прямоугольных пластин крепились к органической основе бармицы с помощью пяти заклепок, расположенных крестом (рис. 5; 6). По краю наушников и назатыльника была пропущена кожаная окантовка. Нижний край наушников бармицы был усилен не пластинами, а фрагментами кольчужного полотна (рис. 6). Данное решение, вероятно, было обусловлено тем, что во время сражения наушники стягивались и завязывались под подбородком воина. Поэтому нижний край наушников должен был обладать максимально возможной эластичностью, которую и обеспечивала кольчужная броня (Бобров, 2009, с. 251–254; Бобров, Худяков, 2008, с. 466, 467). Не исключено, что схожую или аналогичную бармицу мог первоначально иметь и шлем из ММК (рис. 1).

Матерчатый подшлемник крепился непосредственно к тулье или представлял собой отдельный головной убор. Подобные стеганные подшлемники на подкладке (часто снабженные наушниками и назатыльниками) известны по среднеазиатской иконографии XVII в. и подлинным цинским образцам позднего Средневековья и раннего Нового времени (Bobrov et al., 2017, с. 1166). Для дополнительной фиксации столь высокого шлема на голове владельца, вероятно, применялись матерчатые ленты или кожаные ремни, завязывавшиеся или застегивавшиеся под подбородком.

Основным видом плюмажа ойратских воинов был знаменитый *улан зала*, представлявший собой кисть из матерчатых лент, как правило, красного цвета (Бобров, Худяков 2008, с. 473). Указанная кисть вставлялась во втулку шлема или подвешивалась к бутонообразным насадкам на подвершии. В последнем случае втулку шлема мог украшать перьевой султан. Также использовались кисти из конского волоса и шерсти яка, флажки различных типов, а во время торжественных церемоний и сложные составные конструкции (Бобров, Худяков, 2003, с. 138–155; Бобров, Худяков 2008, с. 473, 475, 476).

Реконструкция бармицы и органических элементов наголовья. Пластинчато-нашивная («куяшная») бармица шлема состоит из пары наушников и назатыльника, прикрепленных к обручу специальными заклепками с полусферическими шляпками (рис. 7; 8). Бармица имеет многослойную структуру. Основу из мягкой кожи покрывает матерчатая крышка из шерстяной ткани зеленого цвета. К внутренней стороне органической основы приклепаны рельефные железные пластины, которые крепятся к коже и ткани с помощью заклепок с округлыми шляпками. Нижний край наушников бармицы усилен кольчужным полотном (рис. 7). Базовые размеры, конструкция, система оформления и расположения указанных элементов (наушников, назатыльника, пластин, заклепок и т. д.) соответствуют описанной выше подлинной ойратской пластинчато-нашивной бармице XVII в. из ТГИАМЗ (рис. 5; 6).

Подшлемник, плюмаж и подбородочные ленты реконструированы на основе комплексного анализа вещественных, изобразительных и письменных источников.

Подшлемник наголовья выполнен из желтой шерстяной ткани по образцу сохранившихся подшлемников и головных уборов населения Центральной и Восточной Азии раннего Нового времени (рис. 7).

К бутонообразным насадкам на подвершии шлема подвешен типичный ойратский плюмаж *улан зала*. Он представляет собой кисть из мелко нарезанных лент красного китайского шелка. Во втулку наголовья вставлен перьевой султан (рис. 8; 9). Согласно центральноазиатской традиции, подобные султаны часто носили предста-

вители командного состава степных армий, в том числе командиры отдельных отрядов. При определенных обстоятельствах кисть *улан зала* могла вставляться и непосредственно во втулку шлема.

Вместо кожаных подбородочных ремешков шлем снабжен специальными шелковыми двухслойными завязками (названными в русских письменных источниках XVII в. «лопастями»). Ширина таких «лопастей» могла существенно варьироваться от достаточно узких полос (на реконструкции) до широких двухцветных лент. Такие «лопасти» не только дополнительно фиксировали шлем на голове воина, но и украшали данный элемент защитного вооружения (рис. 9).

Литература

Бобров Л.А. «Татарский» шлем с комбинированной бармицей из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Вестн. НГУ. Сер. : История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 3. С. 251–254.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Боевые наголовья кочевников Монголии и Калмыкии второй половины XVI — начала XVIII в. // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т; Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова. 2003. № 11. С. 138–155.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV — первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Бобров Л.А., Орленко С.П. «Шапка колмыцкая большая» из собрания Музеев Московского Кремля // Oriental Studies. 2020. № 3.

Bobrov L.A., Zaytsev V.P., Orlenko S.P., Salnikov A.V. The Late Jurchen (Early Manchu) Helmet of the Second Half of the 1610s to the Mid-1630s from the Collection of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin [Поздний чжурчжэньский (ранний маньчжурский) шлем второй половины 10-х — середины 30-х гг. XVII в. из собрания Оружейной палаты Московского Кремля] // Былые годы. 2017. Т. 46. № 4. С. 1140–1173.

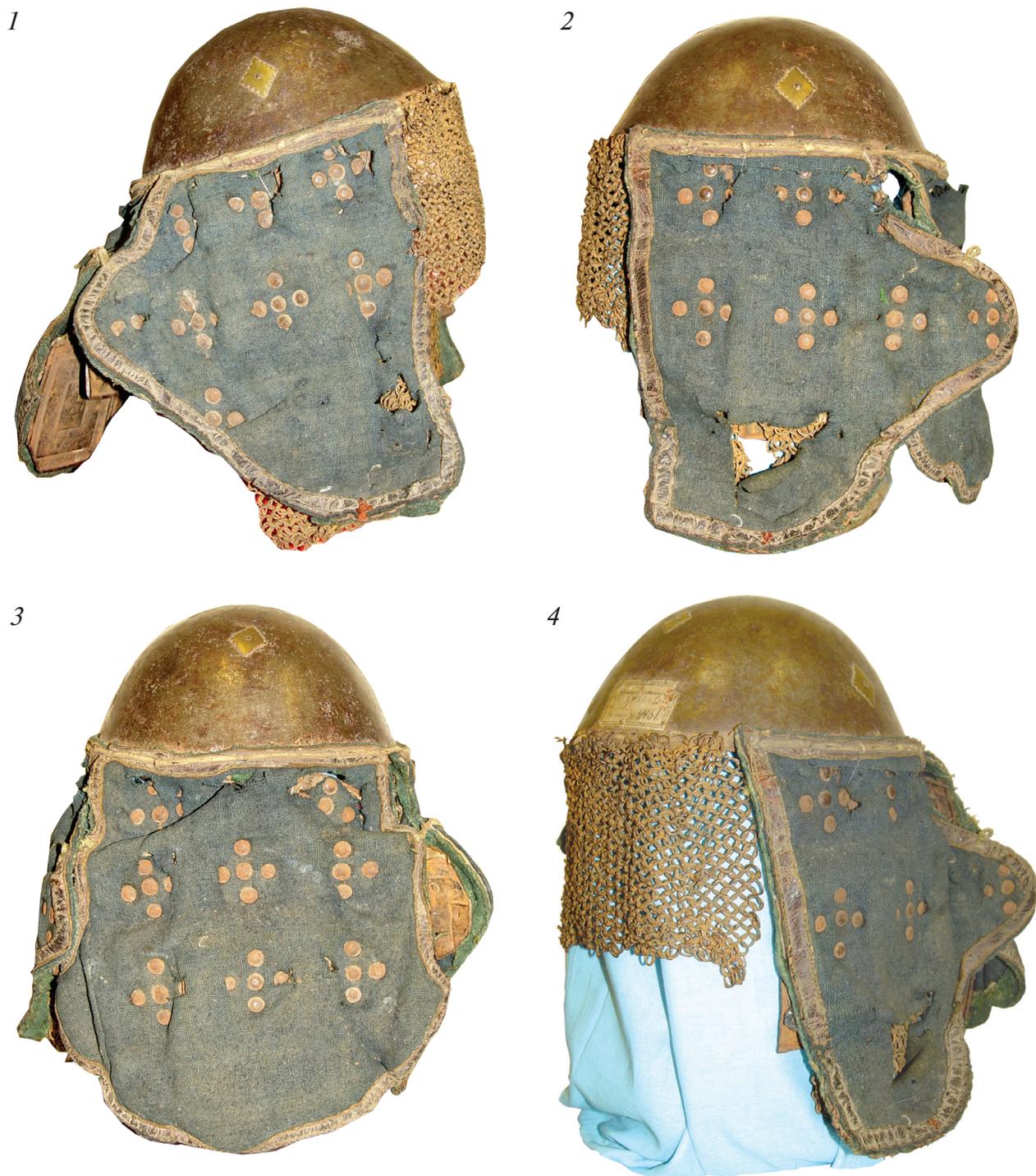

Рис. 5. Пластинчато-нашивная бармица сфероцилиндрического ойратского шлема № ВО-171 (в настоящее время подвешена к сибирско-татарскому шлему № ВО-70), ТГИАМЗ: 1 — вид спереди; 2 — вид слева; 3 — вид справа; 4 — в пол-оборота. Фото: Л. А. Бобров

Рис. 6. Пластинчато-нашивная бармица сфероцилиндрического ойратского шлема № ВО-171 (в настоящее время подвешена к сибирско-татарскому шлему № ВО-70), ТГИАМЗ. Вид снизу. Фото: Л. А. Бобров

Рис. 7. Предметная научно-историческая реконструкция ойратского сфероцилиндрического шлема XVII в. с пластинчато-нашивной бармицей и подшлемником. Вид снизу. Авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович. Мастер: Ю. А. Филиппович. Фото: С. А. Борисенко

Рис. 8. Предметная научно-историческая реконструкция ойратского сфероцилиндрического шлема XVII в. с пластинчато-нашивной бармицей, подшлемником, подбородочными лентами и плюмажем: 1 — вид спереди; 2 — вид слева; 3 — вид справа; 4 — вид сзади. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

Рис. 9. Предметная научно-историческая реконструкция ойратского сферо-цилиндрического шлема XVII в. с пластинчато-нашивной бармицей, подшлемником, подбородочными лентами и плюмажем. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

ПРЕДМЕТНАЯ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ОЙРАТСКОГО ПЛАСТИНЧАТО-НАШИВНОГО ДОСПЕХА XVII – СЕРЕДИНЫ XVIII В.

Авторы реконструкции: Бобров Л. А., Филиппович Ю. А.
Мастер: Филиппович Ю. А.

Основой для реконструкции доспеха послужил ойратский (предположительно джунгарский) панцирь-«куяк», хранящийся в фондах Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета (№ 5529, МАЭС ТГУ). В отличие от большинства синхронных монгольских и южносибирских пластинчато-нашивных доспехов он сохранил органическую основу, что позволяет детально изучить особенности его конструкции, покроя и системы декоративного оформления (рис. 10).

Панцирь представляет собой распашной «халат» с осевым разрезом, невысоким стоячим воротником, длинным двухчастным подолом, а также отдельно крепящимися панцирными «подмышечниками». Четырехслойная шерстяная основа панцирного «халата» имеет внешнее матерчатое покрытие желтого цвета и зеленый подбой. Чтобы предохранить края подола и рукавных пройм от повреждения и разрывов, они снабжены по периметру матерчатой окантовкой зеленого цвета (рис. 10). С внутренней стороны органическая основа панциря подбита железными пластинами различных форм и размеров. Большинство из них имеют прямоугольную форму и снабжены бортиком и ребрами жесткости (рис. 10, 2). Бортики не позволяли острию вражеского копья соскальзывать в межпластинные щели, а «ребра» повышали жесткость пластины и препятствовали ее деформации при ударе. У рукавных пройм панцирь бронирован пластинами трапециевидной и подтрапециевидной формы (рис. 10, 2). Пластины крепятся к матерчатой основе с помощью А-образных посеребренных железных накладок, символизирующих санскритский слог *та*, использующийся при написании различных буддийских мантр. В нижнем ряду подола эти накладки выполнены из медного сплава (латуни). Крайние пластины на нагрудной части «халата» снабжены посеребренными фиксаторами, с помощью которых к пластинам крепятся кожаные ремешки, стягивающие осевой разрез панциря (сохранилась лишь часть фиксаторов). Большие «хребтовые» пластины приклепаны к органической основе халата с помощью каплевидных посеребренных накладок, в «гнезда» которых были вставлены кабошоны коралла, бирюзы (не сохранились) и лазурита

(рис. 10, 1). Гравированные украшенные поделочными камнями накладки символизируют образ *Чинтамани* — драгоценности, исполняющей желания.

Доспех, по всей видимости, применялся в боевых столкновениях. В ходе одного из них часть пластин была повреждена. Во время ремонта (возможно, в полевых условиях) рельефные пластины с посеребренными А-образными накладками были заменены на более простые в изготовлении пластины с гладкой поверхностью, полусферическими заклепками и прямоугольными накладками (рис. 10).

Наплечная и подмышечные части панциря не имеют броневое покрытие. Поэтому плечи воина защищают специальные железные пластины, выполненные в виде стреловидных «погончиков». Подмышечные впадины прикрывают панцирные «подмышечники» (железные пластины вшиты внутрь матерчатых сегментов). Наплечники не сохранились.

Данный доспех был всесторонне проанализирован в рамках специальных исследований (Бобров, Ожередов, 2010, с. 7–64; Бобров, Ожередов, 2021).

Реконструкция ойратского пластинчато-нашивного доспеха XVII — середины XVIII в. В ходе реконструкции был восстановлен полный набор панцирных пластин подбоя, добавлены утерянные пластины и их заклепки-накладки (рис. 11–14). Гладкие (ремонтные) пластины с прямоугольными накладками заменены на их рельефные аналоги, крепящиеся заклепками-накладками А-образной формы, воссозданы все утерянные или поврежденные крепежные элементы (фиксаторы, пряжки, ремешки, пояски и т. д.) (рис. 11–13, 1, 2). В «гнезда» «хребтовых» пластин вставлены кабошоны коралла, лазурита и бирюзы (рис. 13, 3). Реконструированы поврежденный стоячий воротник доспеха (рис. 12, 1), возможная первоначальная форма панцирных «подмышечников» (рис. 15, 1), а также не сохранившиеся наплечники (рис. 15, 2). При работе над последними привлекались материалы подлинных цинских и монгольских пластинчато-нашивных наплечников XVII–XVIII вв., а также образцы джунгарских и южносибирских пластин, применявшихся для бронирования данных защитных элементов. Отметим, что в комплект с подобным доспехом могли входить не только пластинчато-нашивные наплечники, но и хорошо известные по цинским материалам пластинчатые нарукавья, состоявшие из кованого железного наплечника и ламинарного нарукавника, который прикрывал руку до локтя, середины предплечья или вплоть до тыльной стороны ладони включительно (Бобров, Худяков, 2008, с. 483, рис. 201, с. 494, 495). К числу вынужденных допущений предметной научно-исторической реконструкции корпусного доспеха можно отнести отсутствие слоя серебра поверх железных накладок на поверхности кюяка.

В ходе выполнения работ были выявлены некоторые особенности изготовления доспехов подобного типа. Так, в частности, установлено, что крепление пластин к органической основе производилось снизу вверх (т. е. первым приклепывался нижний ряд пластин с латунными А-образными накладками, а последним — верхний ряд с посеребренными А-образными накладками). При этом на нагрудной части и набедренниках набор пластин проводился от центра к краям (т. е. последними приклепывались пластины, расположенные вдоль осевого и крестцового разреза), а на наспинной части кюяка — наоборот, от краев к центру (последними крепились «хребтовые» пластины).

1

2

Рис. 10. Пластинчато-нашивной панцирь-«халат» № 5229 из собрания МАЭС ТГУ (распахнут): 1 — внешняя сторона; 2 — внутренняя сторона. Фото: Ю. И. Ожередов

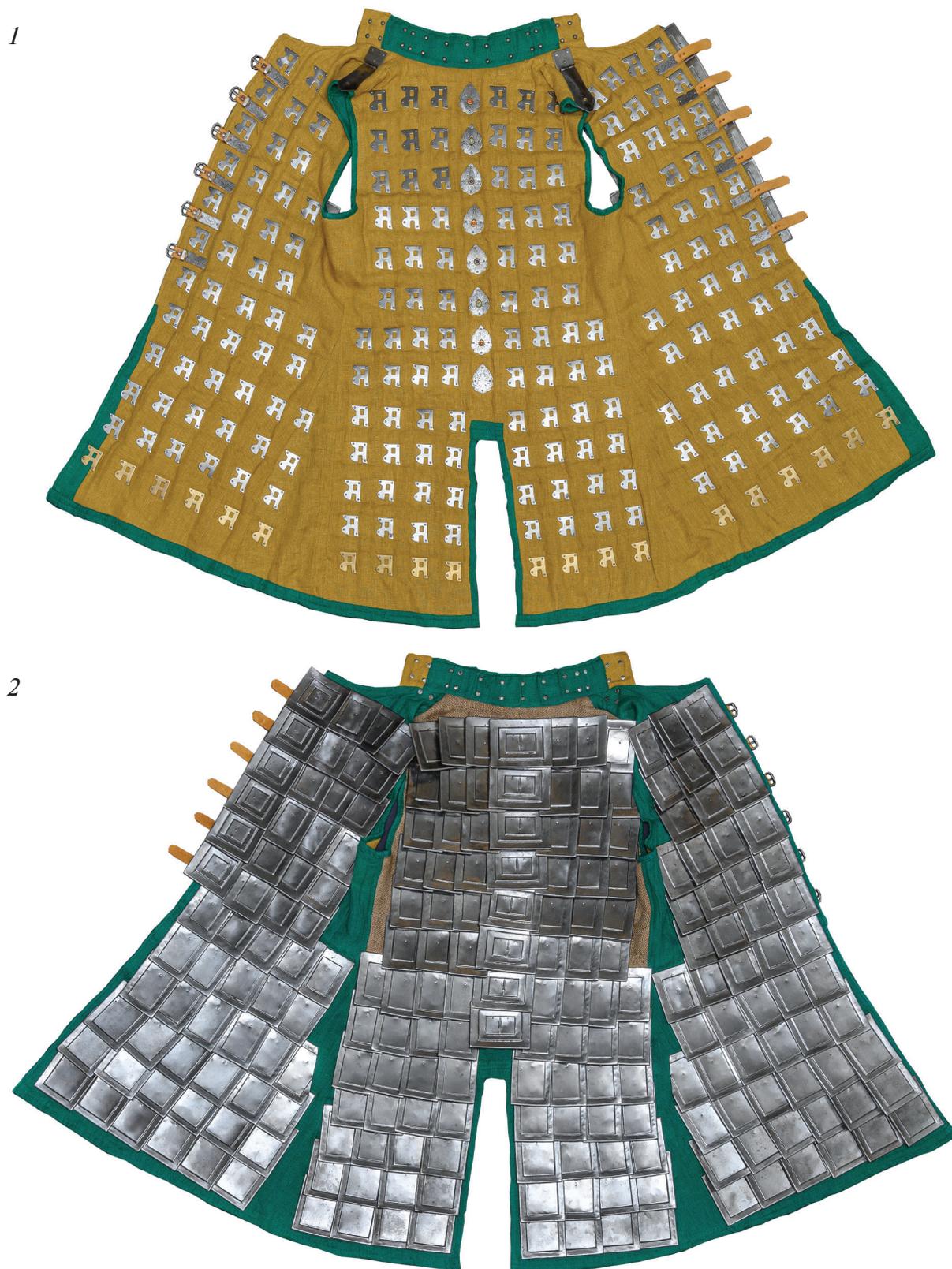

Рис. 11. Предметная научно-историческая реконструкция ойратского пластинчато-нашивного панциря-«халата» XVII — середины XVIII в.: 1 — внешняя сторона; 2 — внутренняя сторона. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

Выявлено, что при сборке доспеха особое внимание уделялось симметричному расположению А-образных накладок на лицевой стороне кюяка. Это требовало определенной сноровки мастера и в известной степени усложняло его работу.

Крепление каждой пластины на четыре штифта и накладку несколько снижало эластичность доспеха по сравнению с его аналогами, в которых пластины крепились с помощью пары обычных заклепок с полусферическими шляпками. Тем не менее, доспех сохранил высокую степень эластичности. Он надевается без посторонней помощи³. Как показали экспериментальные испытания, даже неподготовленный человек может носить панцирный «халат» не снимая в течение нескольких часов, не испытывая особого дискомфорта (рис. 16, 1, 2)⁴. При нахождении в седле вес доспеха в значительной степени перераспределяется, повышая комфортность его эксплуатации. Воин в подобном кюяке может совершать самые сложные движения, в том числе свободно залезать и слезать с коня, стрелять из лука, ружья (в том числе из положения лежа и с колена), колоть копьем, рубить саблей и т. д. (рис. 16, 3).

Известный интерес также представляет тот факт, что при движении (как пешком, так и на коне) пластины доспеха издают характерный звон, что в точности соответствует описанию кюяков в центральноазиатском эпосе.

Литература

Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. Позднесредневековый панцирь-«халат» воина-буддиста (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // Материалы и исследования Древней, Средневековой и Новой истории Северной и Центральной Азии. Томск: ТГУ, 2010. Т. III. Вып. 1. С. 7–64.

Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«кюяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2021. 202 с.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV — первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

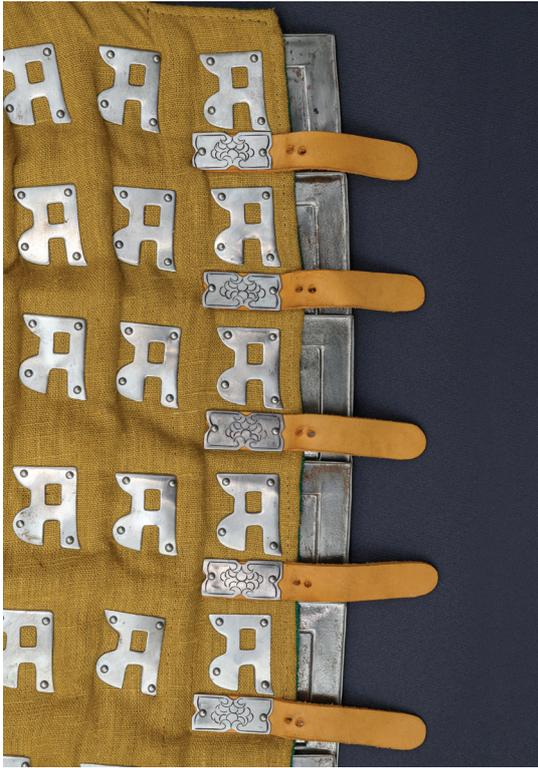
³ Содействие оруженосца требуется лишь при креплении наплечников. Однако при определенных способах их ношения они также могут надеваться самим владельцем доспеха.

⁴ Здесь и далее на фото статист Эрдыниев Э.Б. Рост — 170 см, вес — 70 кг.

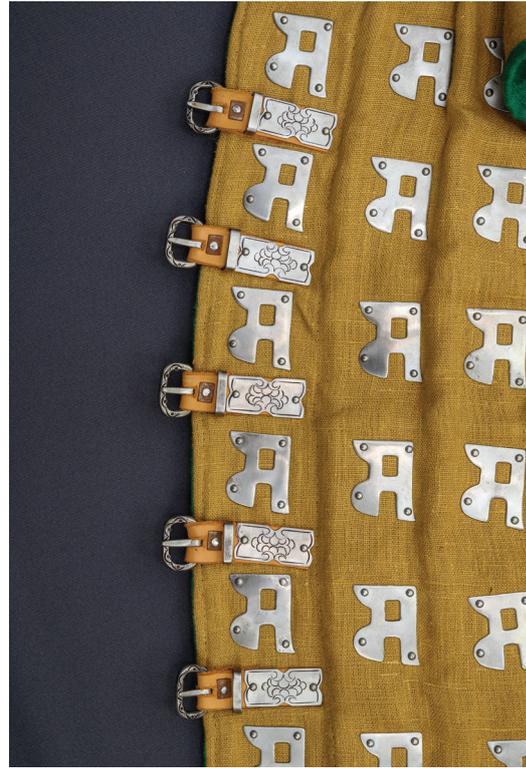

Рис. 12. Фрагменты внешнего органического покрытия кюяка: 1 — воротник, левый «погончик», накладки, фиксаторы и пряжки; 2 — фрагмент левого набедренника с латунными (нижний ряд) и железными А-образными накладками. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

1

2

3

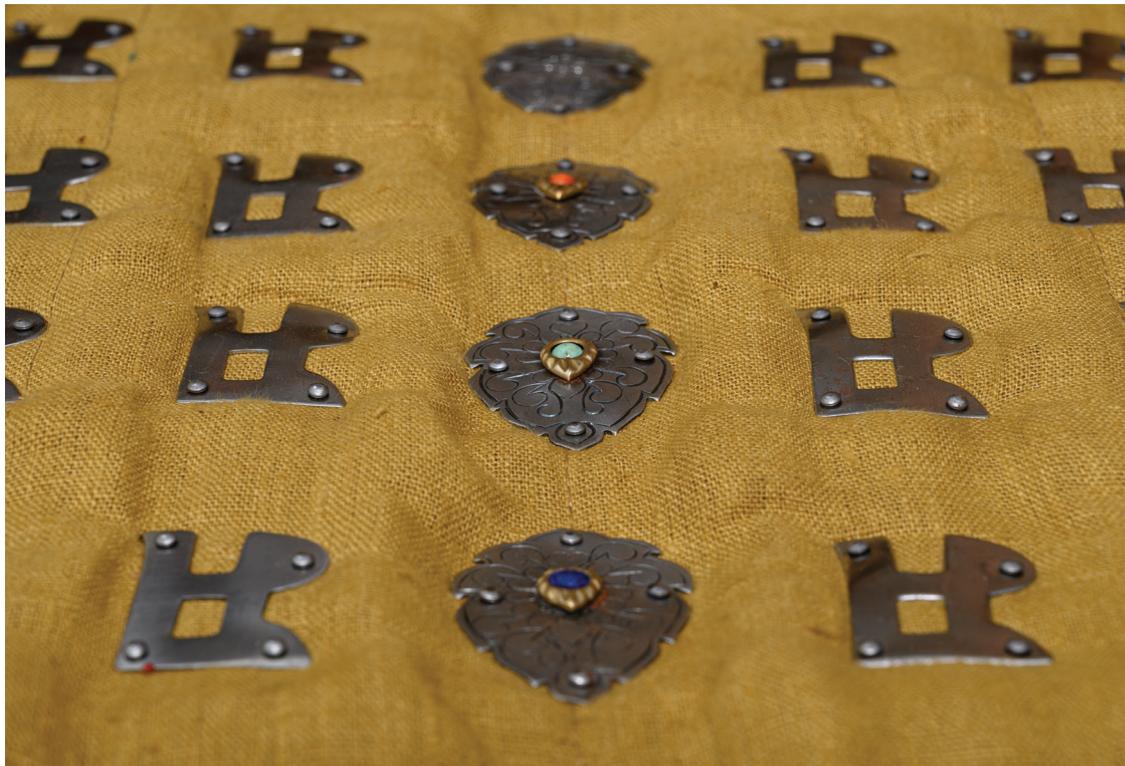

Рис. 13. Фрагменты внешнего органического покрытия: 1 — правая пола с фиксаторами и ремешками; 2 — левая пола с фиксаторами и пряжками; 3 — наспинная часть кюяка с накладками (плакетками) «хребтовых» пластин, украшенных кабошонами коралла, лазурита и бирюзы. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

1

2

Рис. 14. Пластины панцирного подбоя доспеха: 1 — рельефные «хребтовые» пластины с вертикальным ребром жесткости с наспинной части панциря; 2 — рельефные пластины с левой полы панциря. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

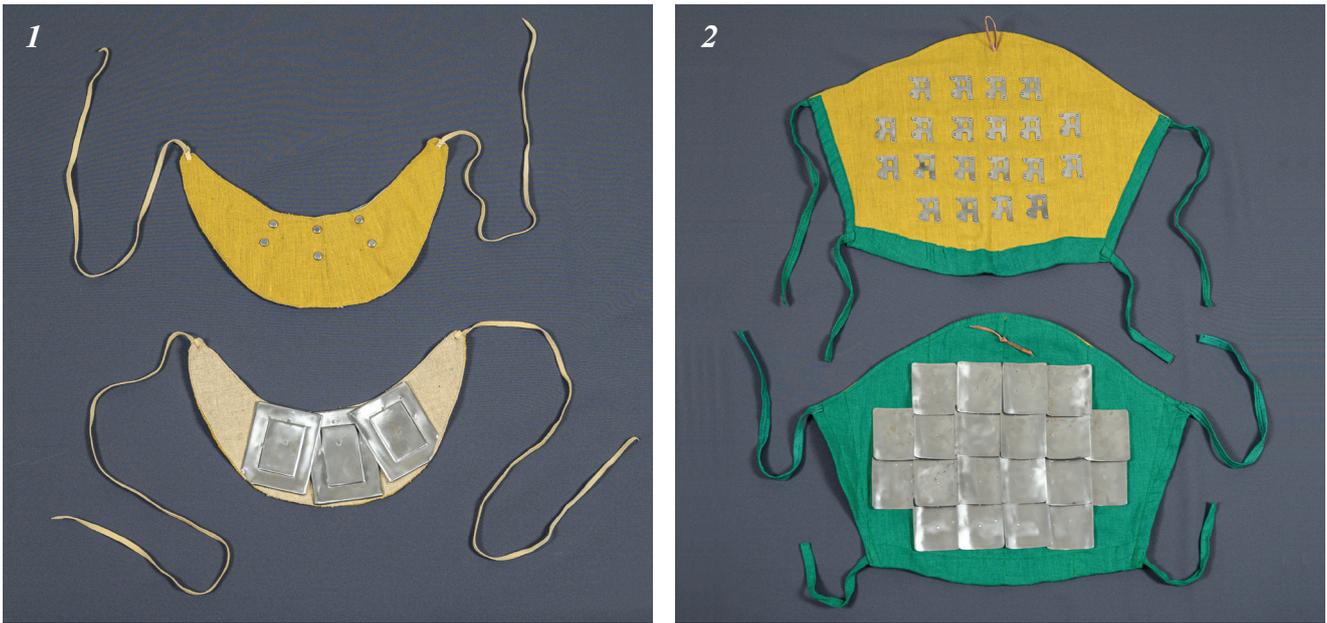

Рис. 15 Предметная научно-историческая реконструкция элементов доспеха: 1 — «подмышечники» (нижний показан без органического покрытия); 2 — наплечники. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

3

4

▲
◀ **Рис. 16.** Предметная научно-историческая реконструкция ойратского пластинчато-нашивного панциря-«халата» XVII — середины XVIII в.: 1 — общий вид; 2 — нагрудная часть; 3 — воин в панцире ведет стрельбу с коня; 4 — всадник в панцире атакует с саблей в руках. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

ПРЕДМЕТНАЯ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПЛАСТИНЧАТОГО ПАНЦИРНОГО ПОЯСА-КОРСЕТА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII — XVIII ВВ.

Авторы реконструкции: Бобров Л. А., Филиппович Ю. А.
Мастер: Филиппович Ю. А.

Оригинальным элементом комплекса защитного вооружения населения Центральной Азии Нового времени были панцирные пояса-корсеты. Они набирались из узких железных пластин прямоугольной и подпрямоугольной формы, которые приклепывались к трем кожаным ремешкам, незначительно перекрывая друг друга (рис. 17). В собранном виде пояс представлял собой достаточно широкий пластинчатый корсет, прикрывающий живот и поясницу воина (рис. 18; 19).

До нашего времени дошло несколько десятков панцирных поясов, датированных XVII–XIX вв. Большая их часть происходит из Тибета (LaRossa, 2006, p. 7, 13, 132–136). По данной причине некоторые исследователи связывают их с исключительно с тибетской оружейной традицией. Однако панцирные пояса данного типа использовались и на других территориях. Так, например, целый пояс происходит из вассального Джунгарии Восточного Туркестана. Фрагменты аналогичных или близких по конструкции поясов найдены в Западной Монголии, Южной Сибири и Казахстане. Все эти регионы либо непосредственно входили в состав Джунгарии, либо являлись объектом джунгарской экспансии. В эпосе «Манас» при описании вооружения «калмацкого» богатыря Конурбая также упоминается «широкий панцирный кушак» (Бобров, Худяков, 2008, с. 481–484). Данные сведения позволяют предположить, что панцирные пояса могли использоваться в том числе и джунгарскими воинами.

Судя по этнографическим материалам, подобные пластинчатые «корсеты» часто носились в комплекте с четырехчастным зеркальным доспехом из округлых пластин (местным аналогом знаменитого «чар айна»). Данные защитные элементы обычно служили для усиления кольчуги (рис. 19; 20). Однако известны случаи сочетания панцирного пояса и с пластинчатыми доспехами, в том числе ламеллярными и пластинчато-нашивными «халатами» (LaRossa, 2006, p. 13; Бобров, Худяков, 2008, с. 342, рис. 110, 2, с. 480).

Реконструкция панцирного пояса-корсета. Основой для реконструкции послужили находки целых панцирных поясов и их фрагментов с территории Центральной Азии и Южной Сибири.

«Панцирный кушак» изготовлен из вертикально расположенных выгнутых стальных пластин прямоугольной формы (рис. 21). В набор входит 70 пластин (одна центральная, поясообразующая, 34 пластины формируют левую часть пояса, 35 — правую). Поясообразующей является крупная железная пластина подпрямоугольной формы. Она почти в два раза шире других пластин, составляющих пояс, и снабжена фиксатором с полусферической шляпкой (рис. 21; 22)⁵. Узкие пластины перекрывают края центральной пластины и расходятся далее наподобие веера. В плоскости каждой пластины проделаны сквозные отверстия, в которые вставлены железные заклепки. С их помощью пластины крепятся к трем кожаным ремням, пропущенным с тыльной стороны пояса (рис. 21, 2). Последний набран таким образом, что с внешней стороны система крепления прикрыта плоскостью соседней пластины (рис. 22). Подобное технологическое решение обеспечивает всей конструкции необходимую надежность. Крайняя левая пластина снабжена тремя округлыми металлическими пряжками с язычками, а крайняя справа — тремя кожаными ремешками для фиксации пояса на корпусе (рис. 21; 22).

В большинстве случаев, «панцирный кушак» одевался таким образом, чтобы базовая пластина находилась над крестцом воина. В сочетании с кольчатым или пластинчатым доспехом панцирный пояс-корсет достаточно надежно прикрывал живот, бока и поясницу латника (рис. 23). При определенных обстоятельствах подобная многослойная система защиты могла уберечь своего хозяина не только от холодного, но и ручного огнестрельного оружия противника.

Литература

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV — первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. N. Y., 2006. 307 p.

⁵ Последний, помимо прочего, помогал удерживать кожаный ремень с клинком, саадаком или ружейной амуницией поверх пластинчатого корсета. Для этого железный штифт с шляпкой продевался в отверстие, расположенное на крестцовой части кожаного пояса, обеспечивая его надежную фиксацию на пластинчатой поверхности «панцирного кушака».

Рис. 17. Пластинчатый панцирный пояс-корсет: 1 — внешняя сторона; 2 — внутренняя сторона. Инв. № 36.25.28, Музей искусств «Метрополитен», г. Нью-Йорк, США (по: LaRossa, 2006)

Рис. 18. Пластинчатый панцирный пояс-корсет. Вид сзади. Инв. № 36.25.29, Музей искусств «Метрополитен», г. Нью-Йорк, США (по: LaRossa, 2006)

Рис. 19. Защитное вооружение тибетского воина, в состав которого входит кольчуга, четырехчастный зеркальный доспех из округлых пластин и пояс-корсет. Инв. № 36.25.28, Музей искусств «Метрополитен» (по: LaRossa, 2006)

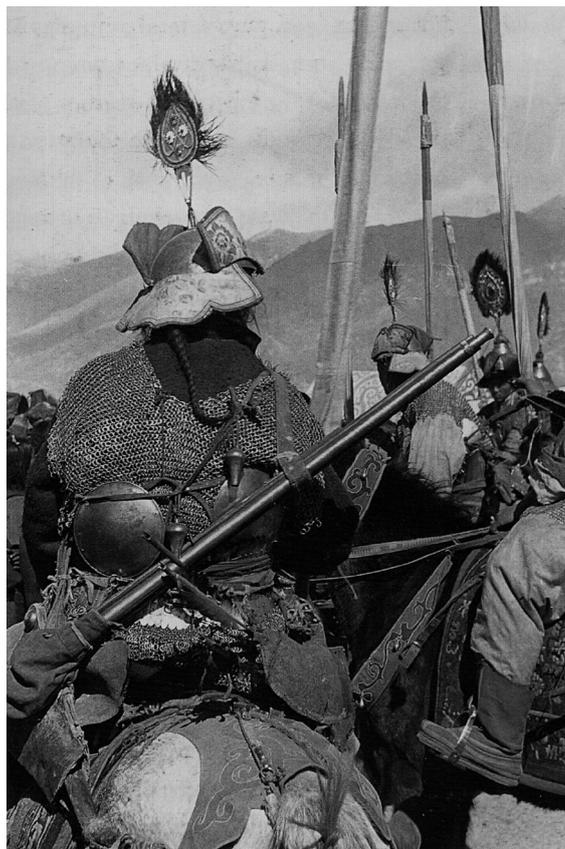

Рис. 20. Пример ношения панцирного пояса в комплекте с кольчугой и четырехчастным зеркальным доспехом из округлых пластин во время *Монлама* (Великого молитвенного фестиваля) в Лхасе. Фото: Г. Стоун, 1940 г. (слева) и Б. Долан, 1943 г. (по: LaRocca, 2006)

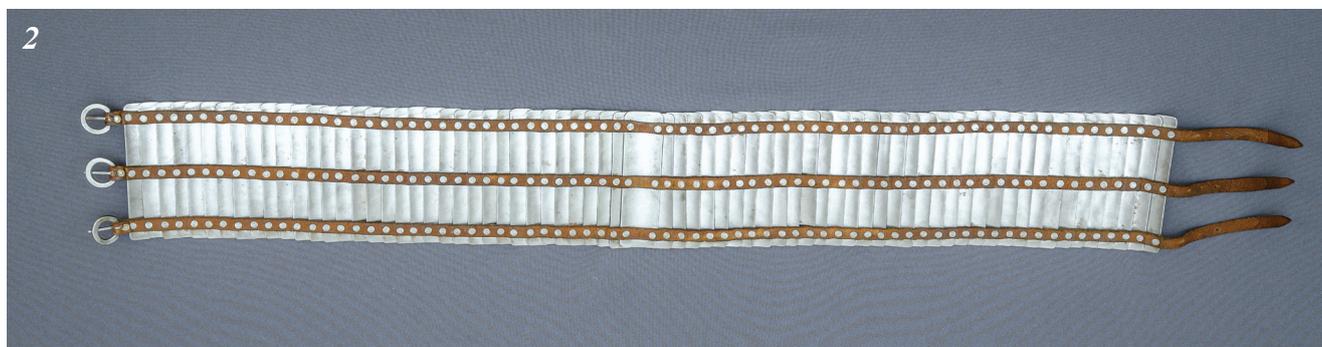
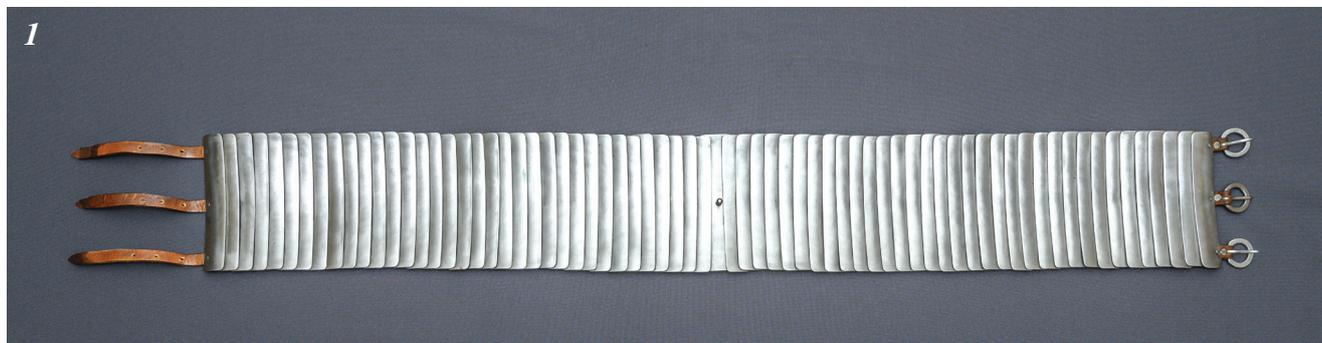

Рис. 21. Предметная научно-историческая реконструкция пластинчатого панцирного пояса-корсета: 1 — внешняя сторона; 2 — внутренняя сторона. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

Рис. 22. Предметная научно-историческая реконструкция пластинчатого панцирного пояса-корсета: 1 — вид сзади; 2 — в пол-оборота. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

Рис. 23. Вариант ношения панцирного пояса-корсета в комплекте с пластинчато-нашивным доспехом. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

ПРЕДМЕТНАЯ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЧЕРКЕССКИХ НАРУЧЕЙ ОЙРАТСКОГО ВОИНА XVII — СЕРЕДИНЫ XVIII В.

Авторы реконструкции: Бобров Л. А., Филиппович Ю. А.

Мастер: Филиппович Ю. А.

Период позднего Средневековья и раннего Нового времени характеризуется распространением среди монголоязычных кочевников Евразии железных и кожаных наручей различных типов, что указывает на рост значения ближнего боя с применением длинноклинкового оружия. Наручи «мунгальские» и «калмыцкие» часто упоминаются в русских письменных источниках XVII в. Так, в частности, они неоднократно преподносились в дар московским царям и представителям столичной аристократии. Весьма охотно приобретали наручи центральноазиатского производства и русские служилые люди в Сибири. Подлинные образцы ойратских, монгольских и тибетских наручей представлены в музейных и частных собраниях России, Китая, США, Великобритании и других стран (Бобров, Худяков, 2008, с. 483–494). Вместе с калмыками наручи центральноазиатского образца попали в Восточную Европу. Однако в то же время фиксируется и обратный процесс, когда благодаря откочевкам части волжских калмыков в Центральную Азию в этом регионе стали применяться восточноевропейские и северокавказские наручи. Так, например, на территории Юго-Восточного Казахстана (входившего во второй половине XVII — середине XVIII в. в состав Джунгарии) были обнаружены обломки наруча, изготовленного черкесскими (адыгскими) мастерами. К сожалению, указанный наруч сохранился фрагментарно. По данной причине основой для реконструкции послужил аналогичный целый черкесский наруч из частной коллекции (рис. 24). По своей конструкции и системе оформления он максимально близок казахстанской находке.

По материалу изготовления наруч относится к классу железных, по способу крепления — к отделу створчатых с комбинированным (кольчато-ременным) соединением, по сечению — к группе выпуклых, на основании особенностей конструкции — к типу трехстворчатых.

Наруч (черкес. *еушэджий*) состоит из длинной (основной, базовой) выпуклой створки, прикрывавшей руку воина от запястья до локтя включительно, и двух коротких запястных створок. Железные пластины соединяются между собой с помощью четырех рядов уплощенных («пансырных») клепаных колец и пары кожаных

ремешков. Гравированные линии делят поверхность створок на сектора, в которые вписан растительный орнамент в виде стилизованного изображения побегов и листьев различных форм и размеров. Нижняя часть базовой створки наруча украшена *L*-образной накладкой, выполненной из медного сплава. Поверх накладки наклепана узкая серебряная *L*-образная планка. Запястные створки также украшены прямоугольными накладками из медного сплава. Поверхность латунных и серебряных элементов покрыта геометрическим и растительным орнаментом. К внешним сторонам базовой и крайней запястной створок приклепаны парные металлические фиксаторы с пряжками и кожаными ремешками соответственно.

Американский оружиевед К. Ривкин, исследовавший данный наруч, пришел к выводу, что железные створки были изготовлены в XVII в., латунные накладки — в начале XVIII в., а серебряная планка — в середине или во второй половине XVIII в. (Rivkin, 2015, p. 138, 317). Наруч из Юго-Восточного Казахстана мог попасть в регион с одной из партий волжских калмыков, откочевавших в Джунгарию. Так, наиболее крупные массы торгутов прибыли в Центральную Азию вместе с сыном ханом Аюки — Санджабом в начале XVIII в. (около 15 тыс. кибиток), а также с ханом Убаши в 1771 г.

Реконструкция наручей и кольчужных «полурукавиц». Как уже отмечалось выше, основой для реконструкции послужили находки фрагментов черкесского наруча из Юго-Восточного Казахстана, а также его целый аналог из частной коллекции. При выполнении реконструкции (рис. 25) за образец брался наруч из Центрально-азиатского региона, а недостающие фрагменты восстанавливались за счет наруча, опубликованного К. Ривкиным (Rivkin, 2015, p. 138, 317). К числу вынужденных допущений предметной научно-исторической реконструкции можно отнести замену серебряной *L*-образной планки на ее железный аналог (орнаментальные мотивы при этом были сохранены).

В комплекте со створчатыми наручами воины Северо-Западного Кавказа XVII–XVIII вв. носили специальные кольчужные полурукавицы (черкес. *азшигель*). Последние представляли собой кольчужный сегмент, нашитый на органическую (кожаную или матерчатую) основу. В отличие от большинства восточных (например, индийских, или иранских) аналогов, такая «полурукавица» не крепилась непосредственно к наручу (или его органической подкладке), а представляла собой отдельный защитный элемент. Обычно *азшигель* состояла из раструба с ровным или вырезным краем и сегмента, прикрывавшего тыльную сторону ладони, поверх которого нашивалось кольчужное полотно (рис. 26). По краю обоих элементов мог пропускаться цветной галун (в том числе из золотых или серебряных нитей), а внешняя сторона раструба и нижняя сторона «полурукавицы» иногда украшалась вышивкой (Bobrov, Salnikov, 2017, с. 742, 743).

В большинстве случаев длинные краги *азшигель* оборачивались вокруг предплечья и фиксировались кожаными ремешками (рис. 29, 1, 2). А уже поверх этих краг одевался и стальной створчатый наруч (рис. 29, 3). Иногда раструбы *азшигель* также могли натягиваться поверх створок наручей. Если непосредственная опасность отсутствовала, то кольчужный сегмент на подкладке мог отгибаться вверх (рис. 29, 4).

Обтянутый кольчужной органической сегмент, прикрывающий тыльную сторону ладони, имел специальную кожаную петлю, в которую продевался палец воина (рис. 29, 2). Конец петли выводился на внешнюю сторону кольчатой «полурукавицы»,

что давало возможность регулировать натяжение кожаного ремешка (рис. 27; 29, 1). Подобная система крепления, с одной стороны, позволяла защитить кисть панцирника от оружия противника, а с другой, не мешала ему свободно держать рукоять сабли или стрелять из лука. Двухчастная система защиты предплечья и кисти оказалась настолько эффективной, что сохранялась на Северном Кавказе вплоть до середины XIX в. (рис. 26).

С территории Центральной Азии происходит несколько фрагментов кольчужного полотна, которые могут быть отнесены к системе бронирования панцирных «полурукавиц» (Бобров, Худяков, 2008, с. 486, 487). Они взяты за основу при реконструкции соответствующих кольчатых сегментов. В отличие от черкесских мастеров, которые обычно покрывали «полурукавицы» мелкими уплощенными «пансырными» кольцами, соединенными на шип, их центральноазиатские современники предпочитали более традиционные округлые в сечении «кольчужные» кольца, склепанные с помощью миниатюрного «гвоздя» (рис. 27; 28). Органические элементы «*ашигель*» реконструированы на основе анализа подлинных черкесских «полурукавиц» Нового времени, хранящихся в российских столичных музейных собраниях, а также региональных музейных и частных коллекциях Северного Кавказа.

Литература

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV — первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Клочков Д.А. Конные эскортные части и подразделения России. М.: Фонд «Русские Витязи», 2014. 504 с.

Bobrov L. A., Salnikov A. V. «Circassian Armor» in the System of Defensive Weapons of the Peoples of the Muslim East XV — mid XIX centuries [«Черкесский доспех» в системе защитного вооружения народов Мусульманского Востока XV — середины XIX вв.] // Былые годы. № 3, 2017. С. 342–357.

Rivkin K. Arms and Armor of Caucasus. N. Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2015. 328 p.

◀ Рис. 24 Черкесский наруч *euweddzhij* XVII — XVIII вв., частная коллекция (по: Rivkin, 2015).

Рис. 25. Предметная научно-историческая реконструкция черкесских наручей джунгарского воина XVII — середины XVIII в. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

Рис. 26. Наручи и панцирные «полурукавицы» черкесского образца: 1 — «Нарукавники кольчужные» чинов Лейб-гвардейского Кавказско-Горского полуэскадрона, Кавказ, середина XIX в., ГИМ (по: Клочков, 2014). Выполнены по образцу черкесских полурукавиц аэшигелъ более раннего периода; 2 — Кабардинский князь, неизвестный художник, вторая четверть XIX в., ГЭ. (по: Клочков, 2014). Хорошо виден способ ношения наручей-*еушэджий* поверх кольчужных «полурукавиц» *аэшигелъ*

Рис. 27. Предметная научно-историческая реконструкция кольчужных полурукавиц *аэшигелъ*. Внешняя (слева) и внутренняя сторона. Авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович. Мастер: Ю. А. Филиппович. Фото: С. А. Борисенко

Рис. 28. Черкесский наруч-еушэджий и панцирная рукавица аşıгелъ. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

Рис. 29. Способ надевания и ношения кольчужных полурукавиц аşıгелъ и наручей черкесского образца: 1 — краги обернуты вокруг предплечья и зафиксированы ремешком на запястье; 2 — палец пройдет в кожаную петлю на тыльной стороне полурукавицы; 3 — наруч крепится поверх аşıгелъ, при этом длинные краги выполняют роль подкладки наручей; 4 — в момент отсутствия непосредственной опасности кольчужная полурукавица отгибается вверх, демонстрируя орнамент на тыльной стороне аşıгелъ. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

ПРЕДМЕТНАЯ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ОЙРАТСКОГО ХАЛАТА XVII — СЕРЕДИНЫ XVIII В.

Авторы реконструкции: Бобров Л. А., Филиппович Ю. А.

Мастер: Филиппович Ю. А.

До нашего времени дошла значительная серия образцов верхней одежды населения Центральной и Восточной Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени. К сожалению, ни один из них не может быть в настоящее время достоверно атрибутирован как джунгарский халат XVII — середины XVIII в. Однако данный элемент джунгарского костюма может быть реконструирован на основании комплексного анализа вещественных, письменных и изобразительных источников. Из последних особое значение для нашего исследования имеют портреты джунгарских военачальников на цинской службе, датированные началом второй половины XVIII в., а также графические и цветные изображения ойратов и их мусульманских и тибетских соседей в «Хуан Цин чжигун ту» (основные работы над произведением завершены в 1763 г.) (рис. 30; 31, 1). Важным (хотя и специфическим) источником являются изображения представителей ойратской аристократии на рисунках Ремезовской летописи, выполненных в конце XVII — начале XVIII в. (рис. 31, 3–5).

Реконструкция ойратского халата. Согласно данным письменных и изобразительных источников, одной из популярных разновидностей верхней одежды состоятельных ойратов были халаты, сшитые из хлопка и цветного китайского шелка, с косым запахом, длинными рукавами и подолом с крестцовым разрезом. На большинстве цинских изображений представителей народов Центральной Азии левая пола халата располагается поверх правой (рис. 30). Однако на рисунках Ремезовской летописи и «Царского титулярника» фиксируется и обратный вариант запаха (рис. 31, 2, 3, 5).

Реконструированный халат (рис. 32) выполнен из популярной среди знатных ойратов (как торгутов, так и джунгар) синей ткани на подкладке (рис. 30, 1; 31, 1). По краю рукавов и подола пропущена широкая полоса из орнаментированного красного шелка. Последняя присутствовала на ойратской одежде относительно редко и использовалась, как правило, в тех случаях, когда халат шился из однотонной материи, не украшенной узорами и вышивкой (рис. 31, 3–5).

Как свидетельствуют изобразительные материалы, богато оформленные халаты из цветной ткани редко поддевались непосредственно под металлический доспех, так как кольца и пластины могли повредить дорогую ткань. Гораздо чаще поверх цветной одежды одевали «поддоспешный» халат из простой некрашеной материи

(Бобров, Худяков, 2008, с. 408, рис. 141, 1). Однако так было далеко не всегда. Например, джунгарский полководец на цинской службе Сарал носил кольчугу непосредственно поверх синего халата на белой подкладке (рис. 31, 1). Интересно, что, как и многие его современники, Сарал использовал кожаные или тканевые набедренники, пристегнутые к поясу (рис. 31, 1). Эти широкие лопасти должны были защитить драгоценную ткань халата от грязи и пыли.

Литература

Бобров Л.А., Ожередов Ю. И. Позднесредневековый панцирь-«халат» воина-буддиста (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // Материалы и исследования Древней, Средневековой и Новой истории Северной и Центральной Азии. Томск: ТГУ, 2010. Т. 3. Вып. 1. С. 7–64.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV — первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Рис. 30. Изображения жителей Центральной Азии в халатах и головных уборах: 1 — торгутский зайсан; 2 — тибетец; 3 — предводитель «бурутов» (киргизов); 4 — мусульманин из Восточного Туркестана, «Хуан Цин чжигун ту», середина XVIII в.

Рис. 31. Изображение представителей ойратской знати в халатах и головных уборах: 1 — портрет джунгарского военачальника Сарала на цинской службе, середина XVIII в.; 2 — «Калмыцкий тайша», «Большая государева книга или Корень российских государей» («Царский титулярник»), 1672 г.; 3–5 — изображения дербетского *тайши* Аблая на рисунках Ремезовской летописи, конец XVII — начало XVIII в.

Рис. 32. Предметная научно-историческая реконструкция ойратского халата XVII — середины XVIII в. Авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович. Мастер: Ю. А. Филиппович. Фото: С. А. Борисенко

Рис. 33. Предметная научно-историческая реконструкция комплекса защитного вооружения и одежды знатного ойратского воина XVII — середины XVIII в. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

ПРЕДМЕТНАЯ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПИКИ ОЙРАТСКОГО ВОИНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII — СЕРЕДИНЫ XVIII В.

Авторы реконструкции: Бобров Л. А., Филиппович Ю. А.
Мастер: Филиппович Ю. А.

После крушения Юаньской империи во второй половине XIV в. монголы были вытеснены из Китая и вступили в длительную полосу междоусобных конфликтов. В этих столкновениях воины противоборствующих степных армий использовали сходное оружие дистанционного боя (преимущественно сложносоставные луки «монгольского типа»), одинаковый конский парк и идентичную тактику ведения сражения. Битвы кочевников Монголии и Ойратии в этот период нередко представляли собой столкновение больших масс конных лучников, расстреливающих друг друга со средней и малой дистанции. Победу в таких сражениях одерживала та сторона, которая могла быстро смешать воинские порядки противника. Наиболее эффективно данная цель достигалась в ходе стремительной копейной атаки, поэтому монгольские и ойратские панцирники сохранили копья как массовый вид вооружения. Неизвестно, кто из центральноазиатских военачальников первым додумался до следующего шага — изящного и гениального в своей простоте. Если победа в сражении зависит от массивной атаки конных копейщиков, то почему бы не снабдить копьями не только панцирников, но и легковооруженных воинов и тем самым усилить мощь кавалерийского удара по вражескому строю? Придя к такой мысли, монгольские и ойратские полководцы начали массово снабжать копьями и пиками своих легких лучников⁶. Первые успехи легких копейщиков вызвали взрыв энтузиазма среди центральноазиатских военачальников, которые стали стремиться к едва ли не поголовному обеспечению своих воинов длиннодревковым оружием. В результате в походе всадник иногда вез с собой не одно, а два или даже три копья. Некоторый запас длиннодревкового оружия перевозили в обозе и накануне боя выдавали воинам с тем расчетом, чтобы каждый из них во время боевого столкновения был снабжен копьем или пикой. Самые бедные кочевники вооружались копьями с роговыми наконечниками или цельнодеревянными пиками, конец которых был заострен и обожжен на огне (Бобров, Худяков, 2008, с. 294–308, 577, 578; Бобров, 2013, с. 183–185).

⁶ В раннем и развитом Средневековье длиннодревковое оружие, предназначенное для ближнего боя, применялось преимущественно конными панцирниками, в то время как легковооруженные номады использовали копья лишь эпизодически.

Как показали военные конфликты XVII в., решение снабдить конных стрелков длиннодревковым оружием при всей своей простоте оказалось весьма эффективным. В столкновении двух лавин легковооруженных воинов отряд, снабженный луками и копьями, имел очевидные преимущества перед отрядом, вооруженным только луками. Легкие копейщики могли стремительно атаковать вражеских лучников, опрокинуть их строй, нанести значительные потери в ближнем бою и вести активное преследование, поражая отступающего врага все теми же пиками. В случае необходимости воин мог забросить снабженное погонным ремнем копье за спину и взять в руки лук (рис. 34).

Отмечая боевую эффективность длиннодревкового оружия, нельзя не упомянуть и о том мощном психологическом эффекте, который производила на противника массированная атака копьеносной конницы. Вид сотен и тысяч несущихся во весь опор всадников, склонивших длинные копья и пики, оказывал деморализующее воздействие на вражеских воинов еще до непосредственного боевого соприкосновения с атакующими ойратами.

Превращение копий и пик из оружия элитарных панцирных подразделений в массовый вид вооружения оказало существенное влияние на тактику ведения боя ойратских и монгольских армий. Степные военачальники, на протяжении многих столетий старавшиеся избегать ближнего боя, в XVII в. начинают сами провоцировать и навязывать противнику рукопашную схватку, которая позволяла максимально эффективно задействовать потенциал многочисленных конных копейщиков. Стремление ойратской и монгольской конницы «давом давить и копьем смешивать» резко контрастировало с традиционной ногайской и татарской тактикой и вызывало удивление русских служилых людей, столкнувшихся с монголоязычными номадами в Поволжье и Южной Сибири.

Испытав на себе мощь копейных ойратских атак, многие степные народы поспешили последовать примеру своих монголоязычных соседей. Одними из первых, кто воспринял новый тактический прием, были, по всей видимости, кочевники Казахстана, за которыми последовали киргизы, каракалпаки, ногаи, башкиры и другие воины Великой Степи.

Как показали специальные исследования, именно с ойратским и монгольским влиянием связано широкое распространение конного копейного боя и среди российских казаков (сибирских, яицких, донских), которые до этого не слишком жаловали данный способ ведения сражения. Усвоив от центральноазиатских номадов идею легкой копейной конницы и соответствующие тактические приемы (знаменитая казачья «лава» — вариант ойратского построения *нуман жагсаал*), казаки довели их до высокой степени совершенства, чем прославили себя в ходе военных кампаний второй половины XVIII — начала XIX в. (Бобров, 2014, с. 115–147).

Опосредованно ойраты (калмыки) повлияли и на рождение еще одной разновидности легкой копейной конницы, на этот раз регулярной. В ходе боевых действий середины — второй половины XVII в. на территории Украины ойратские кавалерийские пики и некоторые элементы конного копейного боя были переняты липками (татарами, проживавшими на территории Речи Посполитой и служивших в польских и литовских войсках). Именно липки послужили основой для создания в Польше в первой половине XVIII в. полков конных копейщиков, которые вскоре стали известны по всей Европе под названием «улань» (Бобров, 2014, с. 116–124).

Реконструкция ойратской пики с «отрезом» и парой малых бунчуков. Рост значения ближнего боя и распространение длиннодревкового оружия в войсках кочевников привели к изменениям конструкции традиционных степных копий и пик. Из оружия первого удара пики превратились в основной вид оружия ближнего боя, актуальность которого сохранялась на всех этапах сражения. Неудивительно, что в этих условиях появился запрос на универсальное оружие многоразового использования, которое, с одной стороны, было бы легким и надежным, а с другой - позволяло бы эффективно поражать как бездоспешных, так и панцирных воинов противника. Таким оружием стала ойратская кавалерийская пика — *дарджа дав*, увенчанная наконечником с узким граненым (треугольным или ромбическим в сечении) пером и конической втулкой с округлым (обычно шаровидным) ограничителем-«яблоком». Наконечник насаживался на длинное (3–5,3 м) и достаточно тонкое (около 3,0–3,5 см в диаметре) деревянное древко, которое позволяло поражать противника на максимально возможном расстоянии, не подпуская его на дистанцию сабельного удара. Сильные колющие удары, наносимые «бронепробивным» наконечником, разрывали панцирное покрытие. Еще большую опасность пика представляла для вражеских воинов, лишенных защитного вооружения. Поражающий эффект достигался не столько за счет большой кровопотери, вызванной широкой рваной раной (как при ударе широколезвийным копьем или рогатиной), сколько благодаря глубокому проникновению узкого граненого пера, поражавшего внутренние органы. В то же время округлое «яблоко» на шейке наконечника не позволяло перу проникать в тело противника слишком глубоко, что затруднило бы его последующее извлечение⁷. Вооруженный пикой воин мог нанести стремительный колющий удар, а затем быстро извлечь оружие из тела противника и продолжить бой.

В отличие от западноазиатских и российских пик XVI в. с узким (квадратным в сечении) «шиловидным» пером, их центральноазиатские аналоги имели более массивное «кинжаловидное» (обычно ромбическое в сечении) перо, позволявшее эффективно пробивать не только кольчуги, но и популярные в Центральной Азии пластинчато-нашивные доспехи. Чтобы облегчить вес «кинжаловидного» наконечника, его стали снабжать широкими долами, благодаря которым перо стало иногда приобретать почти крестообразное или четырехлопастное сечение (рис. 35).

Основой для реконструкции ойратской пики послужили наконечники центральноазиатского производства, происходящие с территории Поволжья, Западной Монголии, Юго-Восточного Казахстана, Южной Сибири и Тибета, а также изображения джунгарского длиннодревкового оружия XVIII в. (рис. 35–38).

Наконечник имеет узкое «кинжаловидное» перо, грани которого снабжены широкими долами. Шейка наконечника при переходе в коническую втулку усилена граненым «яблоком» (рис. 39, 1). На нижний конец составного деревянного древка насажен железный подток.

Для удобства транспортировки к пике привязаны кожаные петли — большая (в центральной части древка) и малая (в нижней). Большая петля выполняла функции погонного ремня, позволявшего носить копье за правым или левым плечом.

⁷ Другим назначением «яблока» являлось усиление так называемой «шейки», располагавшейся между пером и втулкой и являвшейся самым уязвимым местом железного наконечника пики.

Малая петля («ножник») играла роль дополнительного фиксатора (рис. 37; 40; 41). Она охватывала шиколотку всадника, обеспечивая древку вертикальное положение.

Важной новинкой в конструкции кавалерийской пики рассматриваемого исторического периода стал знаменитый копейный «отрез»⁸. Последний представлял собой вытянутую треугольную в сечении железную пластину удлиненно-прямоугольной или удлиненно-трапециевидной формы. В отличие от *пожилин*, «копейный отрез» не наклепывался на древко, а крепился к нему встык, образуя достаточно широкое железное «ребро». Внешняя сторона железной пластины затачивалась, превращая «отрез» в разновидность рубящего оружия (рис. 36–38; 39, 2, 3). Такой клинок не только защищал несущую часть пики от рубящих ударов противника, но и не позволял вражескому воину ухватиться за древко. В свою очередь, копейщик мог чередовать традиционные колющие удары наконечника с мощными рубящими ударами клинком «отреза», который фактически представлял собой клинок палаша на длинном древке (рис. 38). Объектом атаки могли выступать как незащищенные участки тела противника (голова, руки, плечи) и его боевого коня, так и древко вражеского копья (Бобров, 2013, с. 183–195). Основой для реконструкции «отреза» послужила находка с территории Южной Сибири (там же, с. 186, рис. 1, 12). Сужающийся к низу удлиненно-трапециевидный клинок крепится к древку с помощью пары металлических обоймиц (рис. 39, 2, 3).

Оригинальным элементом украшения кавалерийской пики с «отрезом» у ойратов были парные бунчуки, крепившиеся непосредственно к древку (рис. 38, 3). Различные варианты таких бунчуков зафиксированы как в джунгарских, так и в калмыцких материалах (рис. 35; 36).

Литература

Бобров Л.А. Копейный «отрез» — оригинальный конструктивный элемент длиннодревкового оружия народов Великой степи и сопредельных территорий позднего Средневековья и раннего Нового времени // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 3. С. 183–195.

Бобров Л.А. К вопросу об истоках конного копейного боя российских казаков второй половины XVII — первой половины XIV в. // *Parabellum novum*: Воен.-ист. журн. 2014. № 2 (35). С. 115–147.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV — первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. N. Y., 2006. 307 p.

⁸ Характерное название данному конструктивному элементу было дано российскими казаками XVIII в.

Рис. 34. Калмыцкая конница преследует хана Кучума. Фрагмент рисунка Ремезовской летописи, конец XVII — начало XVIII в.

Рис. 35. Наконечник пики, покрытый изображениями серебряных черепов, золотых стилизованных кишок и цветков. Инв. № 2004.340a,b, Музей искусств «Метрополитен», г. Нью-Йорк, США (по: LaRossa, 2006)

◀ **Рис. 36.** Калмыцкая пика с «отрезом» и ружья из старых коллекций Оренбургского музея. Фото второй половины XIX в.

Рис. 37. Конный портрет джунгарского военачальника на цинской службе Аюши, середина XVIII в. Музей Гугун, г. Тайбэй, о. Тайвань. Пика снабжена наконечником с узким пером, «отрезом» с обоймицами, парой бунчуков и подтоком

Рис. 38. Портрет джунгарского военачальника на цинской службе Аюши, середина XVIII в. Показан пример фехтования пикой с отрезом в спешном положении

Рис. 39. Предметная научно-историческая реконструкция джунгарской пики: 1 — наконечник с «кинжаловидным» пером и граненым «яблоком»; 2 — наконечник, «отрез» и верхний бунчук; 3 — верхняя часть пики с наконечником, «отрезом», бунчуками и большим темляком. Авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович. Мастер: Ю. А. Филиппович. Фото: С. А. Борисенко

Рис. 40. Предметная научно-историческая реконструкция знатного ойратского воина XVII — середины XVIII в. вооруженного укороченной пикой с «кинжаловидным» пером, «отрезом», парой темляков и бунчуков, железным коническим подтоком. Авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович. Мастер: Ю. А. Филиппович. Фото: С. А. Борисенко

Рис. 41. Предметная научно-историческая реконструкция знатного ойратского воина XVII — середины XVIII вв. с укороченной пикией. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

ПРЕДМЕТНАЯ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ САБЛИ XVII — НАЧАЛА XVIII В.

Авторы реконструкции: Бобров Л. А., Филиппович Ю. А.

Мастер: Филиппович Ю. А.

Основой для реконструкции сабли послужила находка из пещеры Цаган-Агуй, расположенной в горной гряде между хребтами Их-Богдо и Бага-Богдо на территории *сомона* Баянлинг Баянхонгорского *аймака* (Гобийский Алтай) Монгольской Народной Республики. Общая длина сабли — 79,5 см (в том числе длина клинка — 66 см, рукояти — 13,5 см). Ширина клинка — 3,7 см, в нижней трети клинок расширяется до 4 см, формируя слабовыраженную елмань. Толщина обуха у гарды — 8 мм, у острия — 2–3 мм. Клинок снабжен парой дол — широким и узким. В верхней части клинка методом рельефа на углубленном фоне помещено клеймо, предположительно изображающее волка (рис. 42; 43).

Венчает саблю слабовыпуклое навершие прямоугольной формы. Хвостовик сабли пропущен сквозь навершие и расклепан. В верхней части хвостовика пробито сквозное отверстие, служившее для крепления деревянных «щечек» рукояти и, возможно, темляка. По расчетам авторов публикации находки, «судя по внутренним обводам навершия и обоймы, рукоять в сечении была подпрямоугольной, размерами 3 × 1,5 см» (Плотников, Байтсайхан, 1993, с. 214). В нижней части рукояти, непосредственно над гардой, размещалась узкая металлическая обойма. Сабельная гарда представляла собой практически круглую пластину диаметром 7,5 см. По краю дисковидной гарды был пропущен выпуклый бортик (рис. 43).

Значительный интерес вызывает сохранившаяся система крепления ножен. Она представляет собой две железные обоймы прямоугольной формы, снабженные характерными трапециевидными фиксаторами, соединенные между собой специальной планкой (рис. 42; 43). Общая длина конструкции — 26 см. По расчетам авторов публикации сабли, ширина ножен составляла 5 см (Плотников, Байтсайхан, 1993, с. 214).

В современном оружьеведении сабли подобного типа обычно атрибутируются как *янмаодао* («сабля гусиное перо»). Ее отличительной особенностью является почти прямой у основания и в центральной части клинок, незначительно изгибающийся (часто расширяющийся) лишь в нижней трети сабельной полосы. Для *янмаодао* характерен прямой хвостовик, увенчанный небольшим навершием трапециевидной, подтрапециевидной или (реже) прямоугольной формы, а также дисковидная гарда.

Наиболее вероятно, что сабля из Цаган-Агуй была изготовлена цинскими мастерами XVII — начала XVIII в. и находилась на вооружении одного из воинов кавалерийских подразделений (укомплектованных преимущественно этническими монголами), несших службу на северо-западных границах империи. В то же время не исключено использование таких сабель джунгарскими воинами, которые неоднократно наносили поражения цинским армиям и захватывали значительное количество трофеев (Бобров, Худяков, 2008, с. 278, 279). В пользу данной версии свидетельствуют изображения джунгар, вооруженных саблями цинского образца, датированных серединой — второй половиной XVIII в.

Реконструкция сабли. Рассматриваемый образец длинноклинкового оружия был реконструирован на основе комплексного анализа вещественных материалов (в первую очередь сабли из Цаган-Агуй), а также изобразительных и письменных источников. При этом были учтены как собственно цинские, так и монгольские и ойратские материалы (рис. 44; 45).

Согласно цинской традиции, распространившейся также в Монголии, деревянная рукоять сабель обматывалась специальными кожаными ремешками или шнурами, образующими сложный плетеный рисунок. Несколько реже деревянные «щечки» рукояти обтягивались кожей акулы или ската. Последний вариант был выбран в качестве образца при реконструкции сабельного эфеса. В отверстие хвостовика был продет темляк с кистью (рис. 44). Деревянные плашки ножен обклеены коричневой телячьей кожей. Металлическая обоймица устья и наконечник ножен сабли из Цаган-Агуй не сохранились. Поэтому при выполнении реконструкции были использованы их аналоги на других саблях данного типа (рис. 45).

Особенности покроя и ношения маньчжурской верхней одежды, а также специфика тактики ведения боя (с акцентом на интенсивную лучную стрельбу на малой дистанции) обусловили распространение в цинских войсках оригинального способа ношения сабли, которая подвешивалась под углом рукоятью назад. Перед атакой, в ходе которой предполагалось участие воинов в рукопашной схватке, сабля могла заранее извлекаться из ножен и продеваться в специальное металлическое кольцо в верхней части налуча. Судя по изобразительным источникам, джунгары, в отличие от своих маньчжурских противников, предпочитали классический подвес сабли (рукоятью под углом вперед). Как правило, лишь отдельные джунгарские командиры, перешедшие на сторону империи, практиковали маньчжурский вариант подвеса сабли. Так, например, носит свое оружие ойратский офицер Аюши, запечатленный на цинском портрете начала второй половины XVIII в. (рис. 38).

Литература

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV — первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Плотников Ю.А., Байтсахан З. Сабля из Гобийского Алтая // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 212–214.

Рис. 42. Сабля из пещеры Цаган-Агуй, Монгольский военный музей, г. Улан-Батор, МНР

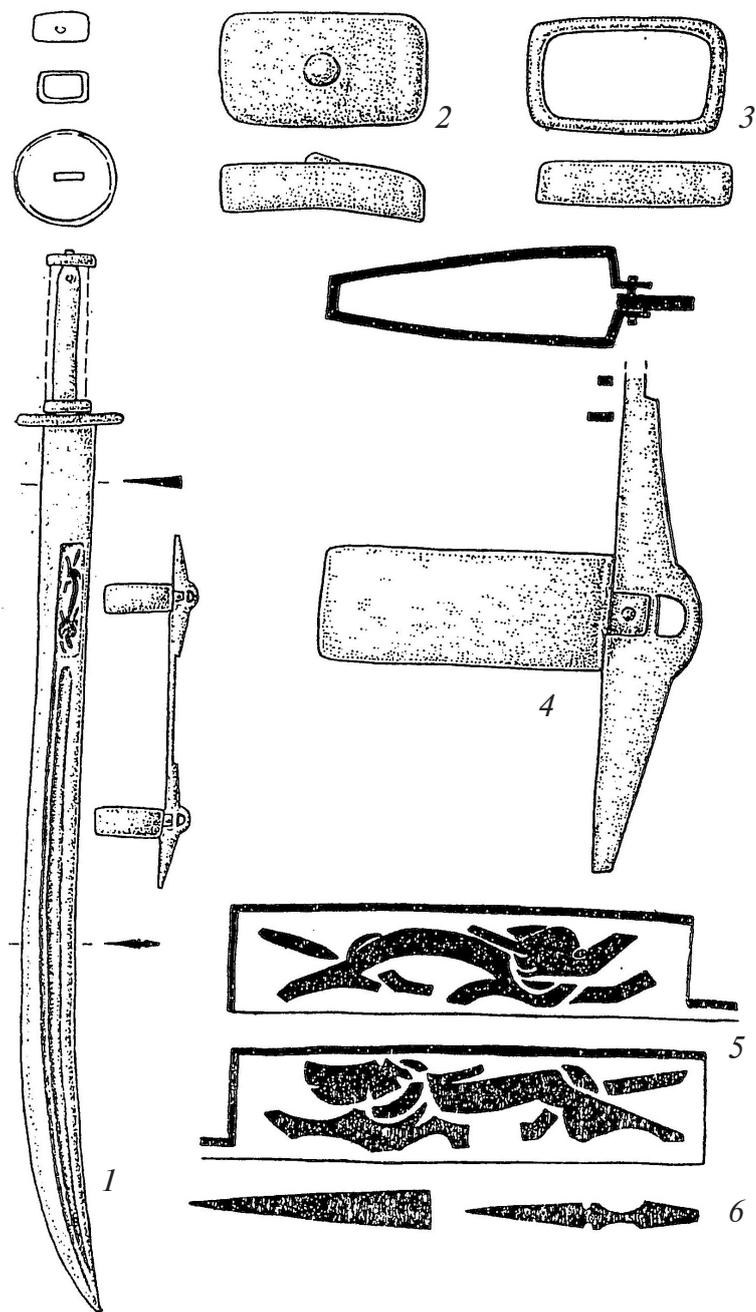

Рис. 43. Сабля из пещеры Цаган-Агуй: 1 — общий вид; 2 — навершие; 3 — обоймица рукояти; 4 — обоймица ножен; 5 — клейма; 6 — сечение клинка (по: Плотников, Байтсайхан, 1993)

Рис. 44. Предметная научно-историческая реконструкция сабли XVII — начала XVIII в.: 1 — вид слева; 2 — вид справа. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

Рис. 45. Предметная научно-историческая реконструкция сабли и ножен XVII — начала XVIII в. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

ПРЕДМЕТНАЯ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ДЖУНГАРСКОГО ФИТИЛЬНОГО РУЖЬЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ — СЕРЕДИНЫ XVIII В.

Авторы реконструкции: Бобров Л. А., Филиппович Ю. А.
Мастер: Филиппович Ю. А.

Важной особенностью военного искусства джунгар последней трети XVII — середины XVIII в. являлось широкое применение ручного огнестрельного оружия. Первоначально основная масса ружей в джунгарских войсках была представлена импортными изделиями, преимущественно среднеазиатского производства. Кроме того, несмотря на запреты царских властей, некоторая часть ружей контрабандно ввозилась в Джунгарию с территории Российского государства. Однако в конце XVII — начале XVIII в. ойратам удалось организовать собственное производство ручного огнестрельного оружия, амуниции и боеприпасов. В последующие десятилетия джунгарские *хунтайджи* сумели обеспечить свои войска значительным количеством фитильных ружей различных типов. Более того, «турки калмыцкие» даже начали экспортироваться в соседние регионы. Ими охотно пользовались не только казахи, киргизы, уйгуры, но и сибирские подданные Российской империи. В самой Джунгарии ружейная стрельба вошла в число популярных забав на праздниках и народных гуляниях наряду со скачками, борьбой и стрельбой из лука (Бобров, Худяков, 2008, с. 182, 183).

После разгрома Джунгарии в середине XVIII в. ойратские ружья еще длительное время продолжали использоваться сибирскими охотниками, жителями Восточного Туркестана, Казахстана, Тибета. Однако оригинальные органические элементы оружия (ложе, сошки, ремни и т. д.) постепенно заменялись на новые. Поэтому до нашего времени дошли в основном лишь стволы и курки джунгарского производства. Тем не менее, внешний облик «турки калмыцкой» может быть реконструирован на основе комплексного анализа вещественных, изобразительных и письменных источников.

Реконструкция джунгарского фитильного ружья. В основу реконструкции положены подлинные образцы джунгарских ружей и их элементы, происходящие с территории Центральной Азии и Южной Сибири, хранящиеся в настоящее время в музейных и частных собраниях России, Казахстана, Китая, США и других стран. Важное значение для реконструкции внешнего облика «турки калмыцкой» имеют фи-

тильные ружья XVIII — первой половины XIX в., из Тибета (рис. 46), сохранившие органические элементы оформления, утерянные на многих синхронных аналогах, принадлежавших жителям Сибири и Монголии того же исторического периода.

Отличительной особенностью «турки калмыцкой» был длинный стальной (в некоторых случаях нарезной) ствол, снабженный фитильным замком так называемого «сибирского типа» (рис. 47). На конце реконструированного ствола у дульного среза имеется небольшое расширение, отделенное от остального ствола рельефными «валиками». На казенной части справа приварена фигурная полка с полукруглой выемкой для затравочного пороха. Спусковой механизм (курок) представляет собой изогнутый S-образный рычаг. В верхней части он раздваивается, образуя двузубую вилку, в которую вставлялся конец фитиля. При нажатии на нижнюю часть курка его головка с фитилем опускалась на затравочную полку с порохом, что вызывало выстрел (рис. 48).

Ствол уложен в длинное изящное обитое металлическими пластинками березовое ложе и зафиксирован с помощью обмотки из медной проволоки и латунных обоймиц. Ружье имеет узкий почти прямой приклад. На правой стороне приклада с помощью заклепок закреплен кожаный «кошель», в котором хранился фитиль. Перед стрельбой конец фитиля вынимали из «кошеля» и закрепляли на конце раздвоенного курка (рис. 48). По мере того как фитиль сторал, его продолжали постепенно вытягивать из «кошеля» на прикладе. Поверхность «кошеля» украшена орнаментированными бронзовыми бляшками.

Ружье снабжено парой складывающихся деревянных сошек с металлическими конусовидными наконечниками и кожаным погонным ремнем.

Перед началом стрельбы воин опускался на колено, упирая сошки в землю, что обеспечивало устойчивость длинного и тяжелого ствола и, в конечном счете, существенно повышало точность выстрела (рис. 49). Также практиковалась стрельба лежа, стоя (рис. 50, 1) и с коня (рис. 50, 2). В первом случае могли применяться короткие сошки, а в последнем они часто и вовсе вынимались из ложа ружья.

Состоятельный джунгарский воин мог быть вооружен как саадаком, так и ружьем, которые попеременно применялись им в ходе сражения (рис. 37). При этом лук и стрелы обычно использовались в ходе динамичного конного боя, а ружье — в спешенном положении.

Литература

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV — первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. N. Y., 2006. 307 p.

Рис. 46. Ружье с фитильным замком XVIII — первая половина XIX в. Инв. № 36.25.2174, Музей искусств «Метрополитен», г. Нью-Йорк, США

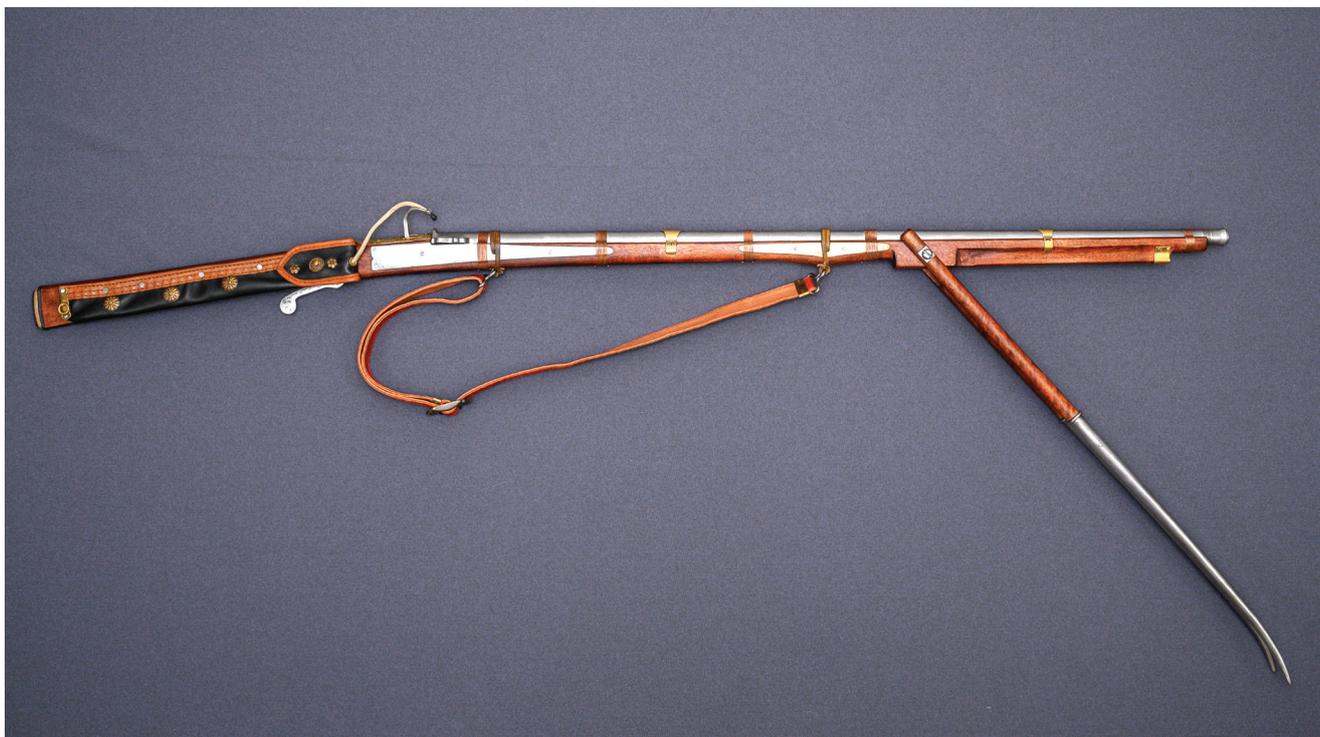

Рис. 47. Предметная научно-историческая реконструкция фитильного ружья с сошками. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

Рис. 48. Фрагмент фитильного ружья: фитильный замок и приклад с «карманом» для фитиля. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

1

2

Рис. 49. Стрельба с колена с использованием сошек: 1 — в пол-оборота; 2 — вид справа. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

1

2

Рис. 50. Способы стрельбы из фитильного ружья, практиковавшиеся джунгарскими воинами первой половины — середины XVIII в.: 1 — стоя; 2 — с коня

ПРЕДМЕТНАЯ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ДЖУНГАРСКОЙ РУЖЕЙНОЙ АМУНИЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ — СЕРЕДИНЫ XVIII В.

Авторы реконструкции: Бобров Л. А., Филиппович Ю. А.
Мастер: Филиппович Ю. А.

Ружейная амуниция центральноазиатского воина XVIII в. обычно состояла из «ружейного пояса» и, в некоторых случаях, *бандельера* с пороховыми мерками. К последнему могла крепиться и роговая *натруска*. В свою очередь, к поясу подвешивалась сумка (в которой хранились пороховница, запасной фитиль, кремь, трут, сало для смазки ружья, нитки, иголка и др.), огниво, мешочек (или пара мешочков) для пуль, нож в ножнах и др. (рис. 51–53)⁹. Несмотря на столь внушительный подвес, центральноазиатские «фузилеры» управлялись с ним весьма умело. По отзывам современников, опытный стрелок мог сделать до трех выстрелов в минуту. Однако в отличие от солдат европейских армий того же периода номады Центральной Азии, как правило, делали акцент не на скорость, а на точность стрельбы (Бобров, Худяков, 2008, с. 184, 185, 193–209). В известной степени это было обусловлено не только спецификой тактики ведения боя, но и относительной дороговизной свинца и пороха в большинстве кочевых сообществ региона.

Начиная с поздней Древности и раннего Средневековья наборные пояса являлись, помимо прочего, показателем социального статуса жителя Великой степи. Продолжая сложившуюся военно-культурную традицию, монголо- и тюркоязычные кочевники Центральной Азии охотно украшали свои ружейные пояса и их элементы металлическими накладками, бляшками, вышивкой и аппликацией (Бобров, Худяков, 2008, с. 193–209).

Основой для реконструкции ружейной амуниции джунгарского воина послужили находки *бандельеров*, ружейных поясов и их фрагментов с территории Западной Монголии, Юго-Восточного Казахстана, Тибета и Южной Сибири, хранящиеся в настоящее время в российских и зарубежных музейных и частных коллекциях.

Реконструкция ружейной амуниции. Ружейный пояс изготовлен из темно-коричневой кожи и украшен рельефными бронзовыми накладками. К поясу подвешена полукруглая ружейная сумка-«кошель» с клапаном-крышкой, огниво на длинном ремешке, кожаный топорovidный мешочек для свинцовых пуль, а также нож в нож-

⁹ В некоторых случаях (например, когда *натруска* была подвешена к *бандельеру*), основная пороховница тоже могла размещаться на поясе воина.

нах. На кожаную поверхность крышки сумки и футляра огнива приклепаны бляшки и фигурные накладки из медного сплава. В качестве украшения мешочка для пуль использована аппликация из мягкой кожи (рис. 54).

К ружейному поясу также подвешен нож южносибирского производства с прямым однолезвийным клинком. Рукоять вырезана из древесины клена, ножны — из боярышника. Их поверхность украшена орнаментированными пластинами из лосиного рога, вставками и обоймицами из медного сплава (рис. 54).

Одним из интересных элементов ружейной амуниции народов Монголии, Тибета, Казахстана и Южной Сибири является так называемый «азиатский *бандельер*». Он представлял собой набор пороховых мерок, изготовленных из рога, кости, дерева или металла и подвешенных к кожаному ремню (рис. 19; 20, 2; 53). Последний мог носиться через плечо (как его европейский аналог) или затягиваться на шее стрелка (LaRocca, 2006, p. 210; Бобров, Худяков, 2008, с. 206–208). В каждую мерку засыпалась заранее отмеренная порция пороха, необходимая для совершения выстрела, что повышало скорость и эффективность ружейной стрельбы. До нашего времени дошло несколько азиатских *бандельеров*, принадлежавших воинам Центральной Азии XVIII–XIX вв., а также серия их изображений.

Основой для реконструкции (рис. 55) послужили *бандельеры* с территории Тибета, а также пороховые мерки Южной Сибири и Западной Монголии. Цилиндрическая или коническая основа с емкостью для пороха вырезана из лосиного рога и украшена геометрическим орнаментом, который продолжал воспроизводиться охотниками Южной Сибири вплоть до этнографического времени (Бобров, Худяков, 2008, с. 207, рис. 72, 5–9). Конструктивно каждая мерка напоминает округлый в сечении бокал, оканчивающийся плоским ушком с круглым отверстием для продевания ремешка, с помощью которого мерка подвешивалась к ремню *бандельера*. Полусферические пробки пороховых мерок изготовлены из древесины монгольского дуба. Каждая пробка снабжена специальным ремешком, соединенным с перевязью *бандельера* (рис. 56). Благодаря этому ремешку стрелок не боялся потерять пробку в горячке боя.

К *бандельеру* подвешена и изогнутая коническая пороховница (натруска) для затравочного пороха, изготовленная из бычьего рога. Деревянная крышка пороховницы украшена металлической накладкой с фестончатым краем, покрытой стилизованным геометрическим и растительным орнаментом (рис. 55–58).

Литература

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV — первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. N. Y., 2006. 307 p.

Рис. 51. Тибетский ружейный пояс с топовидным мешочком для пуль, огнивом и ножом в ножнах. Инв. № 36.25.84а-с, Музей искусств «Метрополитен», г. Нью-Йорк, США (по: LaRossa, 2006)

Рис. 52. Элементы центральноазиатской ружейной амуниции (слева направо): пороховница с меркой-дозатором, натруска, топовидный мешочек для пуль. Инв. № 36.25.2340, Музей искусств «Метрополитен», г. Нью-Йорк, США (по: LaRossa, 2006)

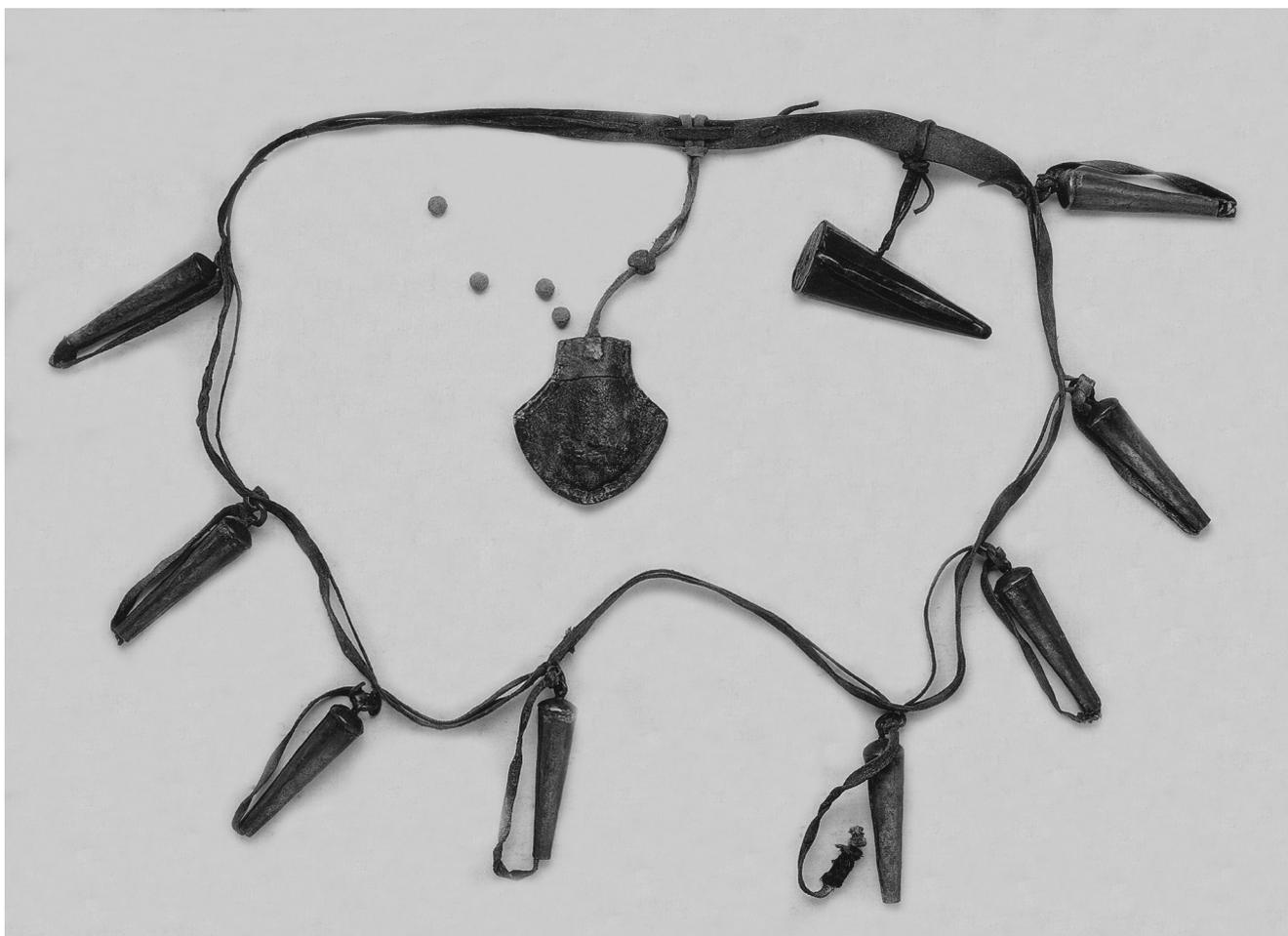

Рис. 53. Тибетский *бандельер* с медными пороховыми мерками, натруской и мешочком для пуль. Инв. № 36.25.2461, Музей искусств «Метрополитен», г. Нью-Йорк, США (по: LaRossa, 2006)

Рис. 54. Предметная научно-историческая реконструкция центральноазиатского ружейного пояса. К кожаному ремню подвешена ружейная сумка, огниво, нож в ножнах и топоровидный мешочек для пуль. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

Рис. 56. Предметная научно-историческая реконструкция центральноазитского *бандельера*. Пороховая мерка с вынутой пробкой и натруска, украшенная орнаментированной металлической накладкой. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

◀ **Рис. 55.** Предметная научно-историческая реконструкция центральноазитского *бандельера*, состоящего из кожаной перевязи с роговыми орнаментированными пороховыми мерками и натруски. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

Рис. 57. Джунгарский воин с фитильным ружьем («туркой калмыцкой»), ружейным поясом и бандельером. Авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович. Мастер: Ю. А. Филиппович. Фото: С. А. Борисенко

Рис. 58. Джунгарский воин с фитильным ружьем («туркой калмыцкой»), ружейным поясом и бандельером перед началом стрельбы из положения стоя. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

Рис. 59. Комплекс вооружения знатного ойратского (джунгарского) воина второй половины XVII — середины XVIII в. Вид спереди. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

Рис. 60. Комплекс вооружения знатного ойратского (джунгарского) воина второй половины XVII — середины XVIII в. Вид сзади. Авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович. Мастер: Ю. А. Филиппович. Фото: С. А. Борисенко

Рис. 61. Комплекс вооружения знатного ойратского (джунгарского) воина второй половины XVII — середины XVIII в. на коне с ружьем. Авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович. Мастер: Ю. А. Филиппович. Фото: С. А. Борисенко

Рис. 62. Комплекс вооружения знатного ойратского (джунгарского) воина второй половины XVII — середины XVIII в. Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович. Мастер: Ю.А. Филиппович. Фото: С.А. Борисенко

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Предметная научно-историческая реконструкция ойратского сфероцилиндрического шлема XVII в.	6
Предметная научно-историческая реконструкция пластинчато-нашивной бармицы, подшлемника, подбородочных лент и плюмажа ойратского сфероцилиндрического шлема XVII в.	11
Предметная научно-историческая реконструкция ойратского пластинчато-нашивного доспеха XVII — середины XVIII в.	18
Предметная научно-историческая реконструкция пластинчатого панцирного пояса-корсета второй половины XVII — XVIII вв.	28
Предметная научно-историческая реконструкция черкесских наручей ойратского воина XVII — середины XVIII в.	35
Предметная научно-историческая реконструкция ойратского халата XVII — середины XVIII в.	41
Предметная научно-историческая реконструкция пики ойратского воина второй половины XVII — середины XVIII в.	47
Предметная научно-историческая реконструкция сабли XVII — начала XVIII в.	57
Предметная научно-историческая реконструкция джунгарского фитильного ружья первой половины — середины XVIII в.	62
Предметная научно-историческая реконструкция джунгарской ружейной амуниции первой половины — середины XVIII в.	68

Научное издание

**Бобров Леонид Александрович,
Филиппович Юрий Александрович**

**КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ ЗНАТНОГО ОЙРАТСКОГО ВОИНА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII – СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА
ПАСПОРТ ПРЕДМЕТНОЙ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

Редактор *С. В. Исакова*
Верстка *А. С. Терешкиной*
Обложка *Е. В. Неклюдовой*

Подписано в печать 29.09.2020 г.
Формат 60 × 84/8. Уч.-изд. л. 10,2. Усл. печ. л. 9,5.
Тираж 650 экз. Заказ № 182.

Издательско-полиграфический центр НГУ.
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2.